Дочь дыма и костей

Автор:
Лэйни Тейлор

Дочь дыма и костей

Лэйни Тейлор

Бестселлеры молодежного фэнтези. Лэйни ТейлорДочь дыма и костей #1

По всему миру ангелы сходят с небес и, прикладывая огненную ладонь свою, оставляют символ на дверях…

В пыльной темноте старой лавочки ужасное создание собирает ингредиенты для черных ритуалов темной магии.

А по запутанным переулкам Праги Кэроу – студентка-художница, спешит на занятия. Она рисует в альбоме чудовищ – и все думают, что они лишь плод ее воображения. Она говорит на многих языках – но не все из них человеческие. У нее ярко-голубые волосы – но это не результат модной краски. Кэроу постоянно исчезает по таинственным «поручениям». Кто же она? И какая роль ей предстоит в грядущей войне между Светом и Тьмой?

Лэйни Тейлор

Дочь дыма и костей

Laini Taylor

Daughter of Smoke & Bone

© Laini Taylor, 2010

© Школа перевода В. Баканова, перевод на русский язык, 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2019

* * *

Как-то раз ангел и дьявол влюбились друг в друга.

Ничем хорошим это не кончилось.

1. Испугать невозможно

Шагая по запорошенной снегом мостовой, Кэроу не мучилась мрачными предчувствиями. Обычный день, ничего особенного. Если не считать того, что понедельник – да к тому же январский. Зябко, темно – в зимнюю пору солнце появляется не раньше восьми, – зато какая красота вокруг! Раннее утро и снегопад сделали Прагу призрачной, как на старинных фотографиях – размытых и серебристых.

По оживленной набережной с грохотом проносились трамваи и автобусы, знаменуя начало нового дня двадцать первого века. А безлюдные переулочки, заснеженно-спокойные, казалось, принадлежали совсем другой эпохе. Снег, и камень, и блуждающие огоньки, завиток пара от кофе – в одиночестве Кэроу свободно плыла по течению будничных мыслей. Временами вспоминалась обида, и сердце внезапно пронзало болью, но она гнала прочь эти чувства, полная решимости покончить с ними.

В одной руке она несла стаканчик с кофе, другой придерживала борта норовившего распахнуться пальто. На плече висел портфель, с какими ходят

художники, а волосы – распущенные, длинные, переливисто-синие – покрывались ажурным узором снежинок.

Обычный день.

И вдруг… Рык, торопливые шаги сзади, резкий захват – чьи-то руки прижали ее к широкой груди, рванули шарф, и она почувствовала зубы – зубы! – у себя на шее.

Преследователь покусывал ее.

Стало противно. Она попыталась вырваться и не расплескать при этом кофе, но часть напитка все же пролилась на грязный снег.

– Боже, Каз, отстань! – взмолилась Кэроу.

– Как ты меня узнала?

Свет фонаря мягко освещал холеное лицо бывшего бойфренда. «Дурацкая красота, – думала Кэроу, отталкивая его. – Дурацкое лицо».

– Кому еще такое придет в голову?

Подобными выходками Казимир зарабатывал себе на жизнь, и его удручало, что на Кэроу они не действовали.

– Тебя не испугать, – пробубнил он и надул губы – перед таким выражением лица, по его мнению, устоять было невозможно.

Прежде она бы и не пыталась. Приподнялась бы на цыпочки и дотянулась языком до обиженно выпяченной губы, неторопливо облизала бы ее, захватила зубами и растаяла в томном поцелуе, как согретый солнцем мед.

Те дни давно прошли.

– Может, ты просто не страшный, – бросила она и пошла дальше.

Каз, засунув руки в карманы, догнал ее и пристроился рядом.

– Что значит – не страшный? Как я рычу? А как кусаюсь? Кого угодно хватит удар. Просто у тебя ледышка вместо сердца.

Не дождавшись ответа, он добавил:

– Мы с Йозефом открываем новую экскурсию – «Вампиры Старого города». Туристы на нее поведутся.

«Еще бы», – подумала Кэроу. Туристы выкладывали хорошие деньги за эти блуждания в ночи по хитросплетениям пражских улочек с остановками в местах предполагаемых убийств, где из дверей внезапно выскакивали «привидения» и нагоняли на них страху. Она сама несколько раз играла роль такого привидения – держала в поднятых руках окровавленную голову и стенала до тех пор, пока вопли неподдельного ужаса не переходили в смех. Забавно.

Раньше с Казом было весело. А теперь – нет.

– Удачи тебе, – произнесла она ровным тоном, не повернув головы.

– Ты могла бы поучаствовать, – не унимался Каз.

– Нет.

– Сыграла бы сексапильную вампиршу…

– Нет.

– Мужиков сводила бы с ума…

– Нет.

– Надела бы свой плащ…

Кэроу замерла.

– Ты ведь его не выбросила, нет, зайка? Никогда не видал ничего прекрасней – черный шелк на бледной коже…

– Заткнись, – прошипела она и остановилась посреди Мальтийской площади.

«С ума сойти, – думала девушка. – Какая глупость – влюбиться в ничтожного, смазливого уличного актера, оставить ему такие воспоминания. Поразительная глупость. Исключительная».

Каз приготовился стряхнуть снежинку с ее ресниц.

– Только тронь, и я выплесну кофе тебе в лицо.

– Тпру, тпру, моя резвая Кэроу. – Он опустил руку. – Когда ты перестанешь взбрыкивать? Сказал же, я сожалею.

– Вот и сожалей. Только в другом месте.

На чешском – не родном для нее языке – она говорила ничуть не хуже Каза.

Он вздохнул, раздраженный тем, что Кэроу так и не приняла извинения. В его сценарий это не входило.

– Да будет тебе! – уговаривал он грубоватым и вместе с тем бархатно-мягким голосом, каким часто поют блюзовые исполнители. – Мы предназначены друг другу, ты и я.

Предназначены. Кэроу всей душой надеялась, что если она кому-то и «предназначена», то не Казу. Она окинула взглядом прекрасного Казимира, чья неотразимая улыбка раньше действовала как зов, на который невозможно не откликнуться. Рядом с ним цвета казались ярче, чувства – острее. Вскоре обнаружилось, что ко всему прочему место это – рядом с ним – было еще и популярным, и другие девушки при случае с удовольствием его занимали.

– Пусть вампиршу играет Светла. Ей и учить эту роль не надо.

Каз смотрел страдальческим взором.

– Не нужна мне Светла. Мне нужна ты.

– Увы. Я – не вариант.

– Не говори так. – Он потянулся к ее руке.

Кэроу отпрянула, сердце опять кольнуло, несмотря на все старания заглушить чувства. «Не стоит, – твердила она себе. – Ни вот столечко не стоит».

– Это называется преследование. Понимаешь?

– Брось, никого я не преследую. Просто мне по пути.

– Ладно, – буркнула Кэроу. До школы оставалось рукой подать.

Художественный лицей Богемии – частное учебное заведение – размещался в розовом дворце в стиле барокко, знаменитом тем, что во время нацистской оккупации два чешских борца за независимость перерезали горло гестаповскому офицеру и его кровью вывели на стене слово «свобода». Ликование было недолгим – отважных бунтарей вскоре поймали и посадили на металлические наконечники ведущих во внутренний двор ворот. Теперь вокруг этих самых ворот слонялись студенты, курили, поджидали друзей. Но двадцатилетний Каз не был студентом и, насколько Кэроу знала, никогда не просыпался раньше полудня.

– Странно, что ты уже на ногах…

– У меня новая работа, – заявил он. – Рано начинается.

– Вампирские туры по утрам?

– Нет. Кое-что другое. Своего рода… разоблачение.

Он торжествующе ухмылялся. Не мог дождаться, когда она спросит, что за работа.

Не тут-то было.

Кэроу – воплощенная невозмутимость и спокойствие – ответила:

– Тогда счастливо! – И ускорила шаг.

– Неинтересно, какая работа? – крикнул он ей в спину. Ухмылка все еще не сошла с его губ – она чувствовала это по голосу.

– Нисколько, – отрезала девушка и вошла в ворота.

Лучше бы она спросила.

2. Своего рода разоблачение

По понедельникам, средам и пятницам первым уроком у Кэроу стояло рисование с натуры. Войдя в студию, она увидела свою подругу Зузану, которая уже застолбила для них места – выставила мольберты поближе к подиуму натурщика. Кэроу скинула с плеча портфель, сняла пальто, размотала шарф и объявила:

– Меня преследуют.

Зузана вздернула бровь. Она была мастерицей вздергивать брови, чему Кэроу страшно завидовала – ее собственные брови не двигались порознь друг от друга и мешали в полной мере выражать недоверие и презрение.

Зузана строила и ту и другую гримасу в совершенстве, однако на этот раз бровь ее изогнулась мягко, что означало всего-навсего легкое любопытство.

– Неужели Болван опять пытался напугать тебя?

– Теперь он прикидывается вампиром. Цапнул меня за шею.

– Актеры… – проворчала Зузана. – Говорю же, давно пора угостить его электрошокером. Чтоб неповадно было набрасываться на людей.

– У меня нет электрошокера. – Кэроу не стала пояснять, что вполне может постоять за себя, не прибегая к электричеству. В ее арсенале были кое-какие иные умения.

– Так купи. Точно тебе говорю – за плохое поведение нужно наказывать. Заодно и повеселишься. Разве неинтересно? Мне, например, всегда хотелось обработать кого-нибудь электрошокером. З-з-з! – Зузана притворно забилась в конвульсиях.

– Нет, маленькая садистка, вряд ли это весело, – покачала головой Кэроу. – Какая ты все-таки жестокая!

– Не я жестокая. Каз жестокий. Надеюсь, тебе не нужно напоминать? – Она испытующе посмотрела на Кэроу. – Ты ведь не собираешься прощать этого лузера?

– Нет, – заверила Кэроу. – Вот бы еще он это понял.

Каз был не в состоянии постичь, как девушка может отказаться от общения с ним – таким неотразимым парнем. А Кэроу только укрепила его самомнение: все проведенные с ним месяцы она смотрела на него сквозь розовые очки влюбленности, отдавала ему… все. Теперь его домогательства представлялись ей плодом ущемленной гордости. Ему во что бы то ни стало хотелось доказать самому себе: он получит все, что ни пожелает. И принимать решения будет только он.

Пожалуй, Зузана права. Стоит проучить его электрошокером.

– Альбом! – скомандовала Зузана, протянув руку, как хирург за скальпелем.

Лучшая подружка Кэроу, несмотря на свою миниатюрность, обожала верховодить. В сапогах на платформе она едва дотягивала до пяти футов, и хотя рост Кэроу был лишь на шесть дюймов больше, на фоне Зузаны она казалась гораздо выше – как кажутся высокими балерины. Нет, балетом Кэроу не занималась, но походила на балерину – впрочем, только изяществом фигуры. Не часто встретишь балерину с ярко-синими волосами и украшенными множеством татуировок руками и ногами.

Пока она доставала из портфеля альбом, взорам окружающих открылись лишь две татуировки, выколотые на запястьях как браслеты, – по одному слову на каждом: «правда» и «вымысел».

Двое студентов, Павел и Дина, подошли ближе. Альбомы Кэроу были в школе предметами культа: их передавали из рук в руки, ими ежедневно восхищались. Сегодняшний – девяносто второй в серии длиною в жизнь – был перевязан резинками, и стоило только Зузане снять их, как он раскрылся: каждая страница с таким слоем грунтовки и краски, что переплет, казалось, не выдержит тяжести и развалится. Альбом развернулся веером, на страницах замелькали фирменные персонажи Кэроу, блистательно изображенные и очень странные.

Среди них – Исса, женщина-змея с обнаженными полушариями грудей, как на резных иллюстрациях к Камасутре, с ангельским лицом, но с капюшоном и ядовитыми зубами кобры.

Ссутулившийся Твига с шеей жирафа, в прищуренном глазу – линза ювелира.

Ясри с клювом попугая и человеческими глазами. Из-под платка выбились оранжевые кудряшки, в руках – блюдо с фруктами и кувшин с вином.

И, конечно, Бримстоун – звезда альбомов. Здесь он был изображен вместе с Кишмишем, усевшимся на один из его огромных бараньих рогов. В фантастических историях, которые Кэроу рассказывала в своих альбомах, Бримстоун был Продавцом желаний. Иногда она называла его просто «ворчуном».

Этих созданий Кэроу рисовала с самого детства, и ее друзья говорили о них так, словно они существовали на самом деле.

– Чем занимался Бримстоун в выходные? – спросила Зузана.

– Тем же, чем и всегда, – ответила Кэроу. – Скупал у убийц зубы. Вчера один гнусный тип – браконьер из Сомали – принес ему несколько зубов нильского крокодила, а заодно попытался что-то стащить, так змеиный хомут чуть не удавил идиота. Повезло ему, что остался жив.

Зузана нашла иллюстрацию к этой истории на одной из последних страниц: сомалиец стоял, закатив глаза, а тонкая змея туго обвилась вокруг его шеи, словно гаррота. Кэроу рассказывала, что при входе в лавку Бримстоуна посетителям надевают на шею одну из Иссиных змей. Так их легче приструнить, если начнут вести себя подозрительно: придушить (не обязательно до конца) или укусить при необходимости, – а это уже смертельно.

– Как тебе удается такое выдумывать, маньячка? – изумленно и не без зависти спросила Зузана.

– Кто сказал, что я выдумываю? Говорю же – все происходит на самом деле.

– Да-да, конечно. И волосы у тебя на голове всегда росли такого цвета.

– Естественно! – ответила Кэроу, пропустив длинную синюю прядь между пальцами.

– Ага.

Кэроу пожала плечами, собрала волосы на затылке в лохматый узел и закрепила, проткнув кистью. Волосы у нее на самом деле росли именно такого цвета – чистый ультрамарин, как из тюбика с краской, но она говорила об этом, насмешливо улыбаясь, – выкладывала правду, не боясь, что ей поверят, заодно и в собственной лжи не путалась. Без улыбки и шального воображения Кэроу никто и представить не мог.

В действительности шальным было вовсе не ее воображение, а сама жизнь – синие волосы, и Бримстоун, и все остальное.

Зузана передала альбом Павлу, а сама принялась искать чистую страницу в своем собственном огромном блокноте для рисования.

– Интересно, кто сегодня позирует?

– Наверное, Виктор, – предположила Кэроу. – Что-то давно его не было.

– Давно. Хоть бы он помер уже.

– Зузана!

– Что? Ему восемь миллионов лет. Труп рисовать и то веселей, чем этот жуткий мешок с костями.

В лицее работало около десятка натурщиков – мужчин и женщин всех возрастов, разной комплекции, – и они постоянно менялись. Начиная от пышнотелой мадам Свободник до фееподобной Элиски с осиной талией, любимицы мужской половины студентов. Больше всего Зузане не нравился дряхлый старец Виктор. Она утверждала, что после уроков с его участием ее мучили кошмары.

– Как будто мумию размотали. – Она передернула плечами. – Разглядывать с утра пораньше голого старикана – прекрасное начало дня!

– Лучше, чем быть укушенной вампиром, – отозвалась Кэроу.

Ее не напрягало работать с Виктором хотя бы потому, что близорукий старик никогда не смотрел в глаза студентам, – а это уже хорошо. Она была готова провалиться под землю, когда, оторвав взгляд от пениса молодого натурщика (не оставишь ведь это место на рисунке пустым), замечала, что он безотрывно смотрит на нее. У Кэроу вспыхивали щеки, и она пряталась за мольберт.

Но те случаи оказались сущими пустяками по сравнению со стыдом, который ей пришлось испытать сегодня.

Она затачивала карандаш и вдруг услышала странный, сдавленный голос Зузаны:

– Черт возьми, Кэроу!

Кэроу мгновенно все поняла.

Разоблачение – так, кажется, он сказал. Умно! Рядом с мадам Фиалой стоял босой, одетый в халат Каз. Длинные золотистые волосы, которые совсем недавно трепал ветер и усеивали искрящиеся снежинки, были стянуты в пучок на затылке. Славянское лицо сочетало в себе ангельские черты и мягкую чувственность: скулы, словно выточенные гранильщиком алмазов, губы, к которым так и хотелось прикоснуться кончиками пальцев – проверить, бархатистые ли они на ощупь… Бархатистые – это Кэроу знала точно. Дурацкие губы…

По студии пронесся приглушенный шум голосов: «Новый натурщик, надо же, какой красавчик…»

– Разве это не парень Кэроу? – громко шепнул кто-то.

Бывший парень, хотелось крикнуть Кэроу. Не представляете, до какой степени бывший…

– Кажется, да. Только посмотри на него…

А Кэроу и смотрела. И надеялась, что на лице у нее застыла маска отчужденного спокойствия. «Не смей краснеть, – приказывала она себе. – Не смей краснеть». Каз уставился прямо на нее, от улыбки на одной щеке появилась ямочка, в глазах – благодушие и радость. Поймав ее взгляд, он нахально подмигнул.

Вокруг захихикали.

– Каков мерзавец! – возмутилась Зузана.

Каз ступил на подиум. Не отрывая взгляда от Кэроу, развязал пояс, сбросил халат. И вот ее бывший парень предстал перед классом, красивый и обнаженный, как Давид. На груди, чуть выше сердца – новая татуировка.

Витиеватая буква «К».

Вновь смешки. Студенты не знали, на кого смотреть – на Кэроу или на Казимира, – и переводили взгляды с одной на другого, ожидая, что же будет дальше.

– Тишина! – гневно скомандовала мадам Фиала, хлопнув в ладоши.

Кэроу покраснела. Сначала жар прилил к груди и шее, потом вспыхнуло лицо. Каз буравил ее взглядом, и ямочка на щеке стала еще глубже, когда он, к своему удовольствию, заметил, что Кэроу нервничает.

– Позы для минутных набросков! – объявила преподавательница. – Прошу, Каз!

Он принял первую позу – динамичную, как и полагалось, – повернул туловище, напряг мускулы, вытянул руки, изображая действие. В таких разминочных упражнениях студентам важно передать движение, а для Каза замечательная возможность повыпендриваться. «Что-то не слыхать, как карандаши шуршат по бумаге», – подумала Кэроу. Неужели остальные девочки в студии тоже глупо пялились на него, как и она?

Кэроу опустила голову, взяла остро заточенный карандаш – подумав, что сейчас с удовольствием использовала бы его по другому назначению, – и приступила к рисованию. Легкие, плавные линии, как и на всех набросках в альбоме. Девушка делала штрихи внахлестку, словно зарисовывала танец.

Каз проводил немало времени перед зеркалом, прекрасно владел своим грациозным телом и знал, как произвести впечатление. Тело, как и голос, входит в набор актерских инструментов. Вообще-то, актер из Каза никудышный, иначе стал бы он заниматься вампирскими турами и участвовать в низкобюджетных постановках «Фауста»! Зато натурщик – что надо. Это Кэроу знала точно, ведь она не однажды его рисовала.

Его тело напомнило Кэроу картины Микеланджело в первый же раз, когда она увидела Каза… разоблаченным. В отличие от других художников эпохи Возрождения, писавших свои работы с изящных, женоподобных натурщиков, Микеланджело словно специально выбирал широкоплечих каменщиков, и каким-то удивительным образом ему удавалось запечатлеть их чувственными и одновременно элегантными. Таков был и Каз: чувственный и элегантный.

И лживый. И самовлюбленный. А уж если начистоту – ко всему прочему и дурак.

– Кэроу! – громко шепнула англичанка по имени Хелен, пытаясь привлечь ее внимание. – Это он?

Кэроу не отреагировала и как ни в чем не бывало продолжала работать карандашом. Натурщик все еще ухмылялся, неотрывно глядя на нее. Она изо всех сил делала вид, что не происходит ничего необычного.

Запиликал таймер, и Каз неторопливо накинул халат. Кэроу надеялась, что ему не придет в голову расхаживать по студии. «Стой где стоишь», – мысленно приказала она. Бесполезно. Он уже фланировал в ее сторону.

– Здорово, Болван! – бросила Зузана. – Много платят?

Не удостоив ее ответом, Каз обратился к Кэроу:

– Нравится моя новая татуировка?

Студенты поднялись со своих мест, но не поспешили, как обычно, на перекур, а стали топтаться неподалеку.

– Еще бы, – ответила Кэроу беспечным тоном. – «К» – значит «Казимир», насколько я поняла?

– Смешная девчонка! Ты знаешь, что значит эта буква.

– Что ж, – задумчиво произнесла Кэроу, приняв позу мыслителя, – мне известен только один человек, которого ты по-настоящему любишь, и его имя как раз начинается с буквы «К». Но ее, по-моему, следовало нарисовать совсем не возле сердца.

Девушка взяла карандаш и вывела букву «К» на своем последнем рисунке – на образцово вылепленной ягодице Каза.

Зузана хохотнула, а Каз стиснул зубы. Как большинство самовлюбленных людей, он не выносил шуток.

– Татуировка есть не только у меня, да, Кэроу? – Он перевел взгляд на Зузану. – Она тебе показывала?

Зузана изогнула бровь – на этот раз подозрительно.

– Не знаю, о чем ты, – солгала Кэроу. – У меня много татуировок.

Она не стала демонстрировать ни «правду» с «вымыслом», ни змею, обвившую лодыжку, ни другие скрытые произведения искусства. Вместо этого подняла обе руки, ладонями от себя: на каждой был изображен глаз цвета индиго, что, в сущности, превращало ладони в хамсы – древние символы для защиты от сглаза. Обычно татуировки на ладонях стираются быстро, но только не у Кэроу: они у нее были всегда. Она подозревала, что с рождения.

– Не эти, – отмахнулся Каз. – Я имею в виду надпись «Казимир», прямо над сердцем.

– У меня нет такой. – Кэроу постаралась, чтобы ее голос звучал озадаченно, расстегнула верхние пуговицы на блузке и отодвинула лямку лифчика. Кожа в этом месте была молочно-белой.

Каз заморгал глазами.

– Не понял… Как тебе удалось?..

– А ну, иди сюда! – Зузана схватила Кэроу за руку.

Пока они пробирались между мольбертами, однокурсники не сводили с них любопытных взглядов.

– Кэроу, вы расстались? – зашептала по-английски Хелен, но Зузана властным жестом приказала ей замолчать и потащила подругу прочь из студии.

В женском туалете, все еще не опуская бровь, Зузана возмущенно спросила:

– Что это еще за новости?

– Какие новости?

– Какие?! Ты практически разделась перед ним!

– Не раздевалась я!

– Да ладно! А что за тату над сердцем?

– Ты же видела – нет там ничего.

О том, что так было не всегда, Кэроу умолчала: не хотелось выглядеть глупой в глазах подруги. И объяснять, как сводила татуировку.

– Отлично. Не хватало еще выколоть имя этого идиота на своем теле. Он думает, что стоит только тебя поманить – и ты побежишь за ним вприпрыжку!

– Конечно! – ответила Кэроу. – На его взгляд, это вполне по-рыцарски.

– Пожалуйся Фиале, она его мигом выгонит.

Такая мысль уже мелькала у Кэроу, но она отрицательно покачала головой. У нее в запасе был куда лучший способ выставить Каза – и из студии, и из своей жизни. Большинству людей такое не под силу.

– Хотя модель он – что надо. – Зузана подошла к зеркалу и смахнула со лба выбившиеся прядки темных волос. – Тут уж ничего не поделаешь.

– Да. Если бы еще он не был таким прохвостом.

– И распоследним пустозвоном, – подхватила подружка.

– И выскочкой.

– Вот именно, выскочкой, – хохотнула Зузана.

Неожиданно Кэроу пришла в голову одна идея, и от подруги не ускользнула едва заметная недобрая ухмылка на ее лице.

– Что? – спросила Зузана.

– Ничего. Пойдем.

– Уверена? Тебе необязательно возвращаться.

– Пустяки.

Каз получил все, чего хотел добиться, устроив этот маленький спектакль. Теперь настала очередь Кэроу. Войдя в студию, она прикоснулась к своему ожерелью – разноцветным африканским бусам. По крайней мере, выглядели они как африканские. Бусы эти были не совсем простые.

3. Выскочка

На оставшуюся часть занятия мадам Фиала попросила Каза занять полулежачее положение, и он, накинув халат, устроился на шезлонге, в позе не сказать чтобы вульгарной, но в определенной степени двусмысленной, чуть ли не с призывным выражением на лице. На этот раз смешков не последовало, однако Кэроу почудилось, что по классу прошла горячая волна. Словно девочкам – и уж точно одному из парней – не помешало бы остудиться под вентилятором. Саму Кэроу это не касалось. Каз бросил на нее томный взгляд из-под ресниц, она уже не отводила глаз – смотрела прямо на него.

Приступив к работе, она старалась изо всех сил – раз уж их отношения начались с рисунка, пусть им и закончатся.

Впервые они встретились в баре Moustache: он сидел через два столика от нее, с закрученными вверх злодейскими усами – сейчас, по прошествии времени, это казалось предостережением. Но ведь не зря бар носил такое название. Даже Кэроу забавы ради надела усы доктора Фу Манчу, приобретенные в торговом автомате. Позже, тем вечером, она вклеила одни и вторые усы в свой

девяностый альбом, и с тех пор по образовавшемуся бугру можно было легко определить, когда началась их с Казом история.

Он пил с друзьями пиво, и очарованная Кэроу его нарисовала. Рисовала она всегда и везде, не только Бримстоуна и других существ из своего тайного мира, но также сцены и людей из обычной жизни. Соколиных охотников и бродячих музыкантов, длиннобородых православных священников, случайно встреченного холеного юношу.

Обычно она делала это незаметно, и люди даже не догадывались, что их рисуют, однако на этот раз холеный юноша поймал ее взгляд и, улыбаясь в усы, направился прямиком к ней. Как он был польщен ее рисунком! Показал его своим друзьям, уговорил Кэроу присоединиться к их компании, не выпускал ее руку из своей. Так все и началось: она боготворила его, а он наслаждался этим.

Разумеется, он не уставал повторять, что она красавица. Иначе он бы вообще к ней не подошел. Внутренняя красота его не интересовала. Кэроу была прелестной девушкой. Нежная, стройная, с длинными волосами цвета небесной лазури и глазами звезды немого кино, она грациозно двигалась, и на ее губах скользила загадочная улыбка сфинкса. Лицо не просто миловидное – полное жизни, с искрящимся, ясным взглядом. Она по-птичьи вскидывала голову, а ее темные подвижные глаза, казалось, скрывали какую-то тайну.

Кэроу и впрямь была загадкой. Семьи ее никто никогда не видел, о себе она ничего не рассказывала и мастерски уклонялась от расспросов. Друзьям лишь удалось выпытать, что она, скорее всего, появилась на свет из головы Зевса. Из ее карманов то и дело сыпались диковинные вещицы: древние монеты, зубы, крошечные нефритовые тигры размером с ноготь. Начав торговаться с африканцем – уличным продавцом солнцезащитных очков, она вдруг выказывала свободное владение языком йоруба. Однажды, раздевая ее, Каз обнаружил спрятанный в сапоге нож – попробуй испугать такую! Об этом же, разумеется, говорили и шрамы на животе: три лоснящихся бугорка, которые могли остаться только от пуль.

Порой Каз зачарованно спрашивал:

– Кто ты?

На что Кэроу с неизменной задумчивостью отвечала:

– Я не знаю.

Она и в самом деле не знала.

Сейчас она торопливо рисовала, то поднимая глаза на модель, то опуская их на работу, не избегая взгляда Каза. Она хотела видеть его лицо.

И уловить миг, когда выражение лица изменится.

Запечатлев на рисунке позу натурщика, она подняла левую руку (правая тем временем продолжала рисовать), прикоснулась к ожерелью и зажала одну из бусин между большим и указательным пальцами.

А затем загадала желание. Совсем небольшое.

Бусины представляли собой всего лишь скаппи. Каждое желание имело свой номинал – как деньги, – но скаппи и до центов не дотягивали, потому что, в отличие от монет, мелкие желания в большое не сложить. Если центы в сумме составляют доллары, то даже несколько нитей со скаппи все равно будут лишь россыпью пустяковых, почти бесполезных желаний.

К примеру, можно вызвать что-нибудь вроде кожного зуда. Этого Кэроу и пожелала Казу, и бусина исчезла у нее между пальцами. Девушка впервые загадала такое желание и, решив проверить, сработает ли, начала с того места, которое он не постесняется почесать – с локтя. Как и следовало ожидать, он поелозил локтем по подушке, почти не изменив позы. Кэроу усмехнулась и продолжила работу.

Несколько секунд спустя она зажала между пальцами вторую бусину и повелела, чтобы у него зачесался нос. Бусина пропала, ожерелье слегка укоротилось. У Каза задергалось лицо. Некоторое время он изо всех сил старался не шевельнуться, но не утерпел, быстро поскреб нос и мгновенно вернулся в прежнюю позу. Призывное выражение как ветром сдуло, и Кэроу пришлось прикусить губу, чтобы сдержать улыбку.

«Ах, Казимир, – подумала она, – не стоило тебе сюда приходить. Уж лучше бы ты проспал».

Загадав очередное желание, она встретилась с Казом глазами. Бровь его напряженно выгнулась. Кэроу наклонила голову, словно спрашивая: «Что такое, милый?»

На этот раз зудело место, чесать которое на публике стыдно. Каз побледнел. Бедра его сомкнулись, усидеть неподвижно не было никакой возможности. Кэроу дала ему небольшую передышку и продолжила рисовать. Только он расслабился и разжал ноги, как она принялась за него снова. Увидев напряженное лицо натурщика, Кэроу с трудом подавила смех.

Еще одна бусина исчезла у нее между пальцами.

И еще.

«Это тебе не только за сегодняшний день», – думала она.

За душевную боль, которая до сих пор неожиданно пронзала сердце; за ложь, спрятанную за улыбкой; за зрительные образы, от которых она никак не могла избавиться; и за чувство стыда из-за собственной наивности.

Одиночество гораздо хуже, когда ты возвращаешься к нему после бурного романа, – все равно что снять и снова натянуть на себя мокрый, холодный купальник.

«А еще, – думала Кэроу уже без улыбки, – это тебе за то, чего уже никогда не вернешь».

За утраченную девственность.

В тот первый раз на ней был только черный плащ, и она чувствовала себя такой взрослой – наравне с подружками Каза и Йозефа, самоуверенными славянскими красотками Светлой и Франтишкой, которых, казалось, невозможно ни смутить, ни рассмешить. Неужели она на самом деле хотела быть похожей на них? Притворялась такой же, как они, играла роль девушки – женщины, – которой ни

до чего нет дела. Относилась к своей девственности так, словно та удерживала ее в детстве.

Она не ожидала, что пожалеет об этом. Да сперва и не жалела. Сам акт не разочаровал ее, но и не произвел большого впечатления. Это был лишь новый этап близости. Тайна для двоих.

По крайней мере, так она думала.

– Ты сама на себя не похожа, Кэроу, – при первой же встрече обратился к ней Йозеф, друг Каза. – Ты будто… светишься изнутри.

Глупо и самодовольно улыбаясь, Каз ткнул приятеля локтем в бок, и Кэроу поняла, что он проболтался. И не только ему – девчонкам тоже. Те понимающе кривили ярко накрашенные губы. Светла, с которой она позже его застукала, с серьезным видом сообщила, что черные плащи снова входят в моду, после чего Каз слегка покраснел и отвел взгляд в сторону.

Никому, даже Зузане, Кэроу об этом не рассказывала: сначала потому, что это была их с Казом тайна, а потом просто стало стыдно. Однако Бримстоун все-таки догадался – каким-то непостижимым образом – и не упустил возможности прочитать ей нотацию. Кстати, весьма любопытную.

Продавец желаний говорил настолько низким голосом, что казалось, это лишь тень от звука: в нижнем регистре, почти у порога слышимости.

– Жизненных правил мне известно не много, – начал он. – Но одно я все-таки знаю. Запомнить его несложно: не суй в себя ничего лишнего. Ни ядов, ни химикатов, ни дыма, ни алкоголя, ни острых предметов. Ненужных игл – для наркотиков и татуировок – и… ненужных пенисов тоже.

– Ненужных пенисов? – восторженно переспросила Кэроу, на миг забыв о своей печали. – А разве бывают нужные?

– Когда найдется нужный, ты об этом узнаешь, – ответил он. – Не растрачивай себя, дитя. Дождись настоящей любви.

Восторг испарился. Она-то думала, что уже встретила любовь.

– Ты поймешь, когда она придет, – пообещал Бримстоун.

Как же хотелось ему верить! Ведь у него за плечами не одна сотня лет. Никогда раньше Кэроу не думала, что у Бримстоуна тоже могла быть любовь, а теперь надеялась, что за свой век он накопил кое-какую житейскую мудрость и был прав.

Из всех сокровищ мира ее сиротская душа жаждала только одного: любви. Которой от Каза, разумеется, она так и не получила.

Кончик карандаша с хрустом сломался – так усердно работала она над своим рисунком, и в то же мгновение приступ ярости обернулся скоропалительным залпом желаний, укоротившим бусы до размеров колье. Каз, схватив в охапку одежду, бросился к выходу, не думая о своей наготе и спеша найти место, где можно дать волю рукам.

Хлопнула дверь, огорошенные студенты уставились на пустой шезлонг. Мадам Фиала удивленно таращила глаза поверх очков, и Кэроу стало стыдно.

Наверное, она перегнула палку.

– Что это с Болваном? – спросила Зузана.

– Без понятия, – ответила Кэроу, потупив взгляд.

Каз остался на бумаге – во всей своей чувственности и утонченности, словно ожидающий любовницу. Рисунок мог получиться хорошим, но она его испортила – слишком затемнила контуры. Изображение утратило изящество линий и превратилось в хаотичную мазню, в которой затерялся его… ненужный пенис. Интересно, что сказал бы Бримстоун? Он всегда выговаривал ей за бездумную трату желаний. В последний раз она загадала, чтобы у Светлы за ночь выросли густые и широкие, как толстые гусеницы, брови.

– Женщин, Кэроу, сжигали на позорном столбе и не за такое, – проворчал Бримстоун.

«Повезло, что мы не в Средневековье», – подумала она.

4. «Ядовитая кухня»

На других уроках в этот день ничего особенного не случилось. После двух лабораторных по химии и колористике Зузана отправилась на занятия в класс кукольников, а Кэроу – на живопись. Через три часа они вновь оказались в том же холодном зимнем сумраке, что и утром.

– В «Ядовитую кухню»? – осведомилась Зузана, едва ступив за порог лицея.

– Спрашиваешь! Я просто умираю с голоду, – ответила Кэроу.

Закрываясь от ледяного ветра, девушки направились в сторону реки.

Улицы Праги – фантазия, почти не тронутая двадцать первым веком. Да и двадцатым, и девятнадцатым тоже, если уж на то пошло. Город алхимиков и мечтателей, с булыжными мостовыми времен Средневековья, по которым бродили големы и мистики, которые топтали иноземные захватчики. Высокие здания – золотистые, карминные, бледно-голубые – украшены лепниной в стиле рококо, увенчаны красными крышами. Барочные купола зеленоватые, цвета подернутой патиной меди; острия готических шпилей готовы принять изгнанных с небес ангелов. Ветер несет воспоминания о чародеях, революционерах, скрипачах, а мощеные улочки вьются между домами словно ручейки. Бродячие музыканты в моцартовских париках, исполняющие камерную музыку, свесившиеся из окон марионетки – город-театр с кукловодами за бархатной ширмой.

Над всем этим на холме высится шипастый силуэт замка, по ночам утопающего в призрачном свете прожекторов. В тот вечер раздувшееся от снежных туч небо висело низко, и вокруг фонарей образовались радужные кольца.

«Ядовитая кухня» на берегу Чертовки – место, на которое редко кто наткнется случайно. Чтобы найти его, нужно нырнуть под низкую каменную арку. Оттуда за обнесенным стенами церковным кладбищем виднеются огоньки кафе. К

сожалению, у туристов отняли шанс забрести сюда нечаянно – путеводитель «Лоунли плэнет» обнародовал его адрес:

«Храм, относившийся к средневековому монастырю, сгорел около трехсот лет назад, однако стены монашеской обители уцелели, и теперь тут располагается оригинальнейшее кафе, аналог которому вы вряд ли где-либо встретите. Интерьер украшен классическими статуями, щеголяющими в противогазах времен Первой мировой войны из личной коллекции владельца заведения. Легенда гласит, что монастырский повар лишился рассудка и отравил всех обитателей монастыря гуляшом. Какое, по-вашему, тут фирменное блюдо? Конечно, ГУЛЯШ! Располагайтесь на бархатном диване и положите уставшие ноги на гроб. Вполне возможно, что черепа в шкафу за барной стойкой принадлежат убитым монахам. А может быть, и нет…»

И последние полгода под арку то и дело совали нос любопытные бэкпекеры[1 - Бэкпекер (от англ. backpack – «рюкзак») – турист, путешествующий за небольшие деньги, чаще всего принципиально отказываясь от услуг туроператоров. – Здесь и далее примеч. пер.], жаждущие увидеть какое-нибудь мрачное проявление Праги, чтобы написать об этом на открытке домой.

Однако сегодня здесь было затишье. В углу супружеская пара иностранных туристов фотографировала своих детей, натянувших противогазы; у бара, сгорбившись, сидели несколько мужчин. Большинство столов – в виде гробов, – дополненных низкими диванчиками с бархатной обивкой, пустовали. Повсюду стояли римские статуи: боги и нимфы высотой в человеческий рост с отломанными руками и крыльями, а посреди зала высилась копия конной статуи Марка Аврелия с Капитолийского холма.

– Вот здорово, Мор свободен! – воскликнула Кэроу, направляясь к скульптуре.

Массивный император – в противогазе, как и его конь, – всегда напоминал Кэроу сеющего чуму первого всадника Апокалипсиса. Девочки любили столик в его тени – место хоть и уединенное, но с прекрасным обзором всего кафе сквозь конские ноги – удобно, если вдруг зайдет какая-нибудь интересная личность.

Они сбросили портфели и повесили пальто на каменные пальцы Марка Аврелия. За барной стойкой одноглазый владелец поднял руку, и они помахали в ответ.

Девочки приходили сюда вот уже в течение двух с половиной лет – с первого года обучения в лицее. Тогда им было всего по пятнадцать. Кэроу только что приехала в Прагу и никого здесь не знала. Чешский все еще оставлял во рту странный привкус незнакомой пряности. Этим языком она овладела совсем недавно, не обучаясь, а загадав желание, – в день рождения Бримстоун всегда пополнял ее коллекцию иностранных языков.

Раньше Кэроу училась в Англии, в школе-интернате, и хотя британским английским владела безупречно, все-таки больше пользовалась американским вариантом, на котором разговаривала в детстве, поэтому одноклассники считали ее американкой. Но это было не так. Она не принадлежала ни одной стране, все ее документы были поддельными. А единственный язык, который она выучила с рождения, к человеческим не относился.

Зузана была родом из Чески-Крумлова, очаровательного городка на юге Богемии, из старинной династии мастеровых, занимавшихся изготовлением марионеток. Ее старший брат поверг семью в шок, поступив на службу в армию, но сама Зузана жить не могла без кукол. Она и продолжила семейную традицию. Как и Кэроу, в лицее Зузана никого не знала, и так уж получилось, что в самом начале первого семестра им обеим поручили расписать стену в одной из местных начальных школ. Целую неделю по вечерам девочки рисовали, стоя на стремянках, а после работы стали захаживать в «Ядовитую кухню». Тогда и началась их дружба. Позже хозяин кафе попросил их разрисовать стены уборной скелетами в обмен на месяц бесплатных ужинов – он рассчитывал, что они не забудут дорогу сюда. Так и случилось – уже два года они оставались верны заведению.

Взяв по порции гуляша, девочки обсуждали выходку Каза, волосы в носу учителя химии (Зузана утверждала, что их можно заплести в косички) и идеи проектов на предстоящий семестр. Вскоре разговор плавно перешел к новому красавцу скрипачу в оркестре Пражского театра марионеток.

– У него есть девушка, – скорбно произнесла Зузана.

– С чего ты взяла?

– В перерывах он только и делает, что строчит эсэмэски.

– Ну и что? А вдруг он разоблачил преступника и шлет ему загадочные послания, чтобы вывести из себя, – предположила Кэроу.

– Ага, конечно. Как я сама не дотумкала?

– Я хочу сказать, почему сразу девушка? Могут быть и другие объяснения. В конце концов, давно ты стала такой застенчивой? Поговори с ним!

– И что я скажу? Прохлаждаемся, красавчик?

– Хотя бы.

Зузана фыркнула. В театре она работала ассистентом кукловода и незадолго до Рождества по уши втрескалась в скрипача. Обычно не стеснительная, девушка едва перебросилась с ним несколькими фразами.

– Наверное, он думает, что я маленькая, – жаловалась она. – Не представляешь, каково это – быть ростом с ребенка.

– С марионетку, – сказала Кэроу.

Никакого сочувствия к подруге по этому поводу она не испытывала. Миниатюрная Зузана казалась ей совершенством, она была как лесная фея, которую так и хочется посадить себе в карман. Впрочем, бешеная и кусачая фея.

– Да, очаровательная кукла Зузана! Посмотрите, как она танцует.

Зузана сделала ломаное движение руками, словно марионетка-балерина.

– Ух ты! – воскликнула Кэроу. – Вот что тебе нужно для проекта! Сделай огромного кукловода, а сама будешь марионеткой. Понимаешь? Кукольное представление наоборот. Такого ни у кого не было. Ты – кукла, танцующая на нитях, только на самом деле твои движения заставляют двигаться кукловода.

Зузана замерла. По выражению ее лица Кэроу поняла – подруга представляет себе картинку.

– Кукла будет просто громадная, – задумчиво произнесла она.

– Сделаю тебе макияж – не отличишь от игрушечной балерины.

– А как же ты? Идея ведь твоя.

– Дарю! Не хватало мне только мастерить огромную марионетку.

– Тогда спасибо. А для себя ты что-нибудь придумала?

Нет, не придумала.

В прошлом семестре на курсе костюмеров Кэроу соорудила крылья ангела. Оснастка, с помощью которой крылья крепились на спине, позволяла поднимать и опускать их. В полностью разложенном виде ее творение давало пышный размах в двенадцать футов. Она надела крылья, чтобы продемонстрировать Бримстоуну, но так и не добралась до него. В передней ее остановила Исса – добрейшая Исса! – и зашипела, раскрыв капюшон кобры:

– Ангел! Ну и кощунство! Сейчас же сними! О, милая девочка, не могу смотреть на тебя.

Такое поведение выглядело очень странно. Теперь крылья занимали целую стену над кроватью в крошечной квартирке Кэроу.

В текущем семестре ей нужна была тема для серии рисунков, но пока в голову ничего не приходило. Размышляя над тем, что бы такое придумать, Кэроу услышала перезвон колокольчиков у двери. В кафе вошли несколько человек, а за ними мелькнула стремительная тень, не ускользнувшая от взгляда девушки. По размерам и очертанию тень напоминала ворона.

Кишмиш!

Кэроу выпрямилась и посмотрела на подругу.

Увлекшись идеей кукольного представления, Зузана делала наброски в блокноте и едва откликнулась, когда Кэроу сообщила, что ей нужно ненадолго выйти.

Кэроу отправилась в уборную, тень последовала за ней, приземистая и незаметная.

Тело и клюв у посыльного Бримстоуна были как у ворона, крылья перепончатые, как у летучей мыши, а язык раздвоен. Он словно сошел с картины Иеронима Босха. Взяв из его лап записку, Кэроу заметила, что бумага проколота острыми, как ножи, когтями.

Чтобы прочитать послание, ей хватило двух секунд: «Срочное дело. Приходи».

– «Пожалуйста» от него не дождешься, – заметила она.

Существо по-вороньи наклонило голову, будто спрашивая: «Так идешь или нет?»

– Иду, иду, – буркнула Кэроу. – Можно подумать, я когда-то отказывалась.

Мгновение спустя она объявила Зузане, что ей пора.

– Уже? – удивилась Зузана. – А десерт?

На крышке гроба стояли две тарелки с яблочным штруделем и чай.

– Не могу, – с сожалением отозвалась Кэроу. – У меня поручение.

– Вечно ты со своими поручениями. Что такого срочного могло произойти?

Телефон Кэроу тоже лежал на крышке гроба, и Зузана поняла, что никто ей не звонил.

– Дела, – ответила Кэроу.

Приставать с расспросами Зузана не стала, по опыту зная – это бесполезно.

Кэроу всегда уезжала по делам. Иногда на несколько часов, но чаще пропадала сутками и возвращалась усталая и растрепанная. Могла вернуться бледной или

загоревшей, хромой, со следом от укуса, а однажды приехала с температурой, которая никак не сбивалась, – выяснилось, что у девушки малярия.

– Где ты сподобилась подхватить тропическую болезнь? – вопрошала Зузана, на что Кэроу ответила:

– В трамвае, наверное. На днях одна старушка как чихнет прямо мне в лицо.

– Так малярией не заражаются.

– Знаю. Все равно было противно. Думаю, не купить ли мне мопед, чтобы не ездить на трамваях.

На этом разговор закончился. Дружить с Кэроу не означало знать о ней все.

– Ладно. Съем оба штруделя. Если растолстею, виновата будешь ты, – вздохнув, проворчала Зузана, а Кэроу направилась к выходу. Тень, похожая на воронью, скользнула в дверь перед ней.

5. Кое-где

Кишмиш взмыл в небо и исчез из виду. Кэроу с завистью смотрела вслед. Какой силы должно быть желание, думала она, чтобы получить дар летать? Куда большей, чем те, которые ей позволялось исполнять.

На скаппи Бримстоун не скупился – обновляй ожерелье из наполненных бусинами чайных чашек сколько душе угодно. За поручения он расплачивался с ней бронзовыми шингами. Шинг – монета чуть большего достоинства, чем скаппи. Кустистые брови Светлы – наглядный пример того, на что он способен. Удаление татуировки и синие волосы Кэроу – тоже. Но вот монету, которая могла сотворить настоящее волшебство, Кэроу так ни разу и не заполучила. Да ей бы и не удалось – это нужно заработать, а она хорошо знала, как люди зарабатывают исполнение желаний. В основном отстрелом животных, расхищением могил и убийствами.

Ах да, был еще один способ: особая форма членовредительства, для которой нужны плоскогубцы и отчаянная целеустремленность.

Все происходило совсем не так, как пишут в книжках. На перекрестках дорог странников не поджидали ведьмы, жаждущие отблагодарить за то, что те не отказались разделить с ними скромную трапезу. Джинны не вылетали из бутылок, и золотые рыбки не предлагали выкуп за свою жизнь. В мире существовало лишь одно место, где исполнялись людские желания: лавка Бримстоуна. И расплачивались здесь не золотом, не загадками или прочей сказочной чепухой и, уж конечно, не душами. Все было куда удивительнее.

Валютой были зубы.

Кэроу перешла через Карлов мост, села в трамвай и отправилась в Еврейский квартал, средневековое гетто, которое теперь со всех сторон теснили пышные, как торты, многоквартирные дома в стиле ар-нуво. У черного хода одного из них Кэроу остановилась. Простая металлическая дверь – ничего особенного. Если самой открыть ее со стороны улицы, окажешься в проплесневевшей прачечной. Но девушка постучала и стала ждать: когда дверь открывали изнутри, входящий попадал в совершенно другое место.

Дверь распахнулась. На пороге стояла Исса, словно сошедшая с рисунков из альбомов Кэроу, похожая на античную статуэтку богини-змеи.

– Здравствуй, дорогая.

– Здравствуй, – с нежностью ответила Кэроу и поцеловала ее в щеку. – Кишмиш вернулся?

– Да. Замерз как ледышка. Холодно у вас.

Исса – хранительница врат – провела Кэроу внутрь, закрыла дверь, и они вдвоем оказались в передней – помещении размером не больше чулана. Дверь, ведущая дальше, открывалась только в том случае, если входная дверь была плотно закрыта – как защитная крышка в вольере, что не дает птицам разлететься.

– Как прошел день, милая?

Змеи обвивали руки Иссы, кишели в ее волосах, а одна опоясывала тонкую талию, словно цепочка на исполнительнице танца живота. Перед тем как открыть внутреннюю дверь, каждому гостю надевали на шею змею – всем, кроме Кэроу, единственной из людей, кто входил в лавку без ошейника. Ей доверяли. В конце концов, она здесь выросла.

– Денек сегодня тот еще, – вздохнула Кэроу. – Каз такое вытворил! Представляешь, явился на урок рисования – натурщиком к нам устроился.

Исса, разумеется, не встречалась с Казом лично, но была знакома с ним заочно – по рисункам в альбомах, – как и он с ней. Только в отличие от Каза, который считал Иссу и ее совершенные груди плодом эротических фантазий Кэроу, она знала, что Каз действительно существует.

Они с Твигой и Ясри, как и друзья Кэроу из числа людей, обожали рассматривать ее альбомы, но по другой причине. Их интересовали сцены из обычной жизни: прячущиеся под зонтами туристы, куры на балконах жилых домов, играющие в парке дети. Иссу особенно привлекали обнаженные модели. Образ обычной человеческой фигуры, лишенной элементов других биологических видов, казался ей незавершенным. Рассматривая Кэроу, она то и дело заявляла: «По-моему, милая, оленьи рога тебе будут к лицу» или: «Из тебя получилась бы чудная змея», – словно предлагала попробовать сменить прическу или помаду.

Сейчас глаза Иссы яростно вспыхнули.

– Пришел в школу, говоришь? Мышиный паштет! Ты его нарисовала? Покажи!

В гневе ли, нет ли, она не упускала возможности взглянуть на обнаженного Каза.

Кэроу протянула альбом, который тут же раскрылся.

– Испортила самую интересную часть! – разочарованно проговорила Исса.

– Поверь, ничего выдающегося.

Исса прыснула, в это время со скрипом отворилась дверь, и Кэроу ступила через порог, как обычно при переходе ощутив едва уловимый приступ тошноты.

Она уже находилась не в Праге.

Раньше Кэроу жила в лавке Бримстоуна, но до сих пор не понимала, где она расположена. Знала только, что дверь в нее есть в любом месте мира. В детстве она часто старалась выпытать у Бримстоуна, где точно находится лавка, на что неизменно получала небрежно брошенное: «Кое-где».

Бримстоун не был любителем отвечать на вопросы.

Лавка, где бы она ни находилась, представляла собой помещение без окон с беспорядочным нагромождением полок. Наверное, так выглядит место, куда зубная фея складывает свою добычу – если, конечно, она приходит не только к людям. Ядовитые зубы гадюк, собачьи клыки, бороздчатые моляры[2 - Моляры – постоянные зубы верхней и нижней челюсти, расположенные по три с каждой стороны зубного ряда; имеют жевательную поверхность.] слонов, длиннющие желтые резцы экзотических грызунов – все это было разложено по ящичкам, аптекарским шкафчикам, нанизано гирляндами на нити, свешивающиеся с крюков, и укупорено в сотни склянок, которые можно встряхивать как маракасы.

В тени изогнутого потолка мелькали крошечные существа, то и дело царапая миниатюрными коготками по каменному своду. Как и Кишмиш, малютки совмещали в себе черты разных животных: скорпионов и мышей, гекконов и крабов, жуков и крыс. В сырости водостоков сидели улитки с головами лягушек-быков, бесчисленные колибри с крыльями мотыльков бились о фонари, отчего те, поскрипывая медными цепями, раскачивались из стороны в сторону.

В углу, изогнув несуразно длинную шею, работал Твига: очищал и скреплял золотыми полосками зубы, чтобы нанизать на кетгут[3 - Кетгут – нити, вырабатываемые из кишок мелкого рогатого скота; хирургический шовный материал.].

Из кухонного закутка, в котором полновластно хозяйничала Ясри, доносился звон посуды.

Слева за массивным дубовым столом восседал сам Бримстоун. Кишмиш примостился на своем обычном месте, на правом роге хозяина. На столе стояли лотки с зубами и ларчики с самоцветами. Бримстоун собирал из них ожерелье.

– Кэроу, – произнес он, не поднимая головы, – по-моему, я писал «срочное дело».

– Поэтому я и приехала срочно.

– Прошло уже… – он посмотрел на карманные часы, – сорок минут.

– Я была на другом конце города. Подари мне крылья – буду гонять быстрей Кишмиша. А лучше дай гавриэль.

Гавриэлем звалась вторая по могуществу монета желаний, с помощью которой можно заполучить способность летать.

Не отрываясь от работы, Бримстоун заметил:

– Сдается мне, летающая девушка в вашем городе незамеченной не останется.

– Нет ничего проще! – ответила Кэроу. – Два гавриэля – и я стану еще и невидимой.

Бримстоун поднял взгляд. В золотисто-желтых крокодильих глазах с вертикальными щелками зрачков веселья не наблюдалось. Кэроу знала: никаких гавриэлей он не даст. Она и не надеялась их получить, просто обвинения были несправедливы. Ведь она примчалась по первому требованию.

– Разве тебе можно доверить гавриэли? – спросил он.

– Конечно. Что за вопрос?

Она почувствовала на себе оценивающий взгляд. Бримстоун словно перебирал в уме ее прежние желания.

Иметь синие волосы: желание легкомысленное.

Избавиться от прыщей: желание глупое.

Чтобы свет выключался сам собой и не нужно было вставать с кровати: желание ленивое.

– Что-то бусы у тебя коротковаты. Выдался тяжелый день?

Рука Кэроу взметнулась вверх. Слишком поздно.

– Ничего от тебя не скроешь.

Без сомнений, старый черт точно знал, на что она потратила скаппи, и продолжил мысленное перечисление:

Устроить бывшему парню чесотку в интимном месте: желание мстительное.

– Такая мелочность тебя недостойна, Кэроу.

– Он заслужил, – бросила она, забыв о прежнем стыде. По словам Зузаны, за плохое поведение нужно наказывать, и Кэроу добавила: – Ты ведь не спрашиваешь своих поставщиков, что они собираются загадывать. Уверена, заставить человека чесаться – сущие пустяки по сравнению с их желаниями.

– Надеюсь, ты им не чета, – без затей ответил Бримстоун.

– Но поручиться не сможешь?

Поставщики зубов, заходившие в лавку, за редким исключением, представляли собой наискверней шую часть человечества. Хоть у Бримстоуна и был небольшой круг давних помощников, которые не вызывали у девушки чувства омерзения (к примеру, старая торговка алмазами – несколько раз она даже выступала в роли бабушки, чтобы записать Кэроу в школу), в большинстве своем сюда являлись подлые, гнусные типы с запекшейся под ногтями кровью. Они убивали и калечили, в карманах носили клещи, чтобы рвать зубы у мертвецов, а иногда и у живых. Кэроу питала к ним отвращение, и, уж конечно, она была лучше их.

– Докажи – используй желания на добрые дела, – предложил Бримстоун.

– Тебе ли говорить о добрых делах! – рассердилась Кэроу и указала на ожерелье, которое он сжимал в гигантских когтистых руках: крокодильи зубы – скорее всего из Сомали, волчьи клыки, конские моляры и гематитовые бусины. – Интересно, сколько из-за тебя сегодня погибло животных. Не говоря уже о людях.

Исса удивленно ахнула. Кэроу понимала – лучше попридержать язык, но остановиться не могла.

– Нет, правда. Ведешь дела с убийцами, и даже не взглянешь на горы трупов, которые они оставляют за собой. Притаился тут как тролль…

– Кэроу!

– Я их видела – множество мертвецов… А девочки с окровавленными ртами! В жизни не забуду. Для чего все это? Что ты делаешь с зубами? Расскажи, может, я пойму. Должна же быть какая-то причина…

– Кэроу, – вновь произнес Бримстоун. Он не сказал «замолчи» – он прекрасно передал это голосом, а затем неожиданно встал.

Кэроу притихла.

Когда она смотрела на Бримстоуна, то видела в нем не зверя, а существо, которое по каким-то неизвестным причинам растило ее с младенчества и делало это не без нежности. Но порой он лишал ее дара речи – когда говорил таким тоном, как сейчас. Его голос проникал внутрь ее сознания и заставлял осмыслить полную, страшную правду о нем.

Бримстоун был монстром.

Если бы он, Исса, Твига и Ясри вышли из лавки на улицу, люди бы так их и назвали: монстры. Демоны, или бесы. Сами себя они называли химерами.

Человеческими у Бримстоуна были только руки и массивный торс, хотя покрывала их не кожа, а скорее шкура. Квадратные грудные мышцы рассечены застарелыми шрамами. Плечи и спина тоже в шрамах, образующих сморщенную

светлую сетку. Бедра с львиными мускулами, с выцветшей шерстью золотистого оттенка, но вместо мягких кошачьих лап они заканчивались ступнями, которые могли принадлежать хищной птице или ящерице, а может, дракону – эта версия Кэроу нравилась больше всего.

Что касается головы: баранья голова была покрыта не шерстью, а такой же грубой коричневой шкурой, как и все тело. Глаза – от рептилии, вокруг плоского овечьего носа блестела чешуя, огромные рога свивались спиралями.

На цепочке болтался комплект ювелирных линз в темных оправах – единственное украшение, если не считать еще одной вещицы. Она не бросалась в глаза, потому что не блестела: старая грудная птичья кость, так называемая «счастливая косточка», которую он носил на шее. Кэроу не понимала, зачем она ему, знала только, что трогать эту вещицу строго-настрого запрещено, и оттого ей страстно хотелось до нее дотянуться. В детстве, сидя на коленях у Бримстоуна, она то и дело предпринимала попытки схватить кость, но Бримстоун всегда оказывался проворнее – Кэроу так и не удалось даже пальчиком достать до нее.

Повзрослев, она проявляла бо?льшую воспитанность, однако время от времени все еще ловила себя на желании потрогать вещицу. Впрочем, не сейчас. Напуганная неожиданным движением Бримстоуна, она почувствовала, как бунтарский дух покидает ее. Отступив на шаг, девушка робко спросила:

– Так что там за срочное поручение? Куда ехать?

Он бросил ей чемоданчик, набитый разноцветными купюрами, которые при ближайшем рассмотрении оказались евро. Множеством евро.

– В Париж, – буркнул Бримстоун. – Приятного путешествия!

6. Угасший ангел

Приятного?

«О да, – ворчала про себя Кэроу тем же вечером, волоча триста фунтов контрабандной слоновой кости вниз по ступеням парижского метро. – Приятно, ничего не скажешь».

Из лавки Бримстоуна Исса выпустила ее через ту же дверь, но очутилась она вовсе не в Праге, а в Париже.

Сколько раз ни проходила она через портал, нервная дрожь не становилась меньше. Дверь вела во множество городов, и Кэроу побывала во всех, иногда по поручению, иногда для удовольствия. Бримстоун отпускал ее рисовать в любую точку мира, если только там не шла война. Когда ей хотелось поесть манго, он открывал дверь в Индию с тем условием, что и ему достанется немного фруктов. Она ходила за покупками на восточные базары, а здесь, в Париже, на блошиных рынках искала мебель для своей квартиры.

Захлопнувшись, дверь уже не вела в лавку. Лавка существовала в другом месте – «кое-где», как думала о нем Кэроу, – и никакие чары не помогали проникнуть туда с этой стороны. Никто не мог силой вломиться в лавку. Пришедшему удавалось лишь войти в обыкновенную дверь, которая вела вовсе не туда, куда он надеялся попасть.

Даже Кэроу наверняка не знала, пожелает ли Бримстоун ее впустить. Порой, сколько бы она ни стучала в дверь, та никак не открывалась. Впрочем, пока он ни разу ее не бросил, и она надеялась, что так будет и в дальнейшем.

На этот раз ей предстояло участвовать в подпольном аукционе на окраине Парижа. Кэроу уже бывала на таких мероприятиях, и они всегда проходили одинаково. Толклись там сплошные отбросы общества: бывшие диктаторы и воры в законе с претензиями на интеллигентность. Оплата, естественно, только наличными. Предметы аукциона – винегрет из краденых музейных экспонатов: рисунок Шагала, высушенный нёбный язычок какого-то обезглавленного святого, комплект бивней взрослого африканского слона.

Вот-вот. Комплект бивней взрослого африканского слона.

Кэроу вздохнула. О цели поездки Бримстоун не упомянул, сказал только, что сама догадается. Так и случилось. Похоже, скандала в общественном транспорте не избежать.

В отличие от других участников аукциона, ее не ждал ни черный лимузин, ни пара здоровяков телохранителей, чтобы носить тяжелый груз. В ее распоряжении были лишь бусики из скаппи да природное обаяние – ни того, ни другого не хватало, чтобы убедить таксиста ехать с открытым багажником, из которого торчат семифутовые слоновьи бивни. Поэтому раздосадованная Кэроу тащила их шесть кварталов до ближайшей станции метро. Уличный музыкант опустил скрипку и, указав на завернутые в холстину и обмотанные скотчем бивни, осведомился:

– Эй, красотка, что там у тебя?

– Любопытные музыканты, – ответила она, не останавливаясь.

Порой дело оборачивалось куда хуже. Бримстоун отправлял ее за зубами в жуткие места. Однажды, получив огнестрельное ранение в Санкт-Петербурге, она спросила:

– Неужели моя жизнь так мало значит для тебя?

Не успел вопрос сорваться с языка, как она пожалела, что задала его. Пусть ее жизнь действительно ничего не стоила, она не хотела, чтобы Бримстоун признался в этом. Вместе с Иссой, Твигой и Ясри он заменил Кэроу семью. Если даже ее считали рабыней, которую не жалко потерять, знать об этом она не желала.

Его ответ не подтвердил, но и не опроверг ее страхи:

– Жизнь? Тело, ты имеешь в виду? Это всего лишь конверт, Кэроу. Твоя душа – другое дело, а ей, насколько мне известно, ничто не угрожает.

– Конверт?

Такая мысль удручала. Кто угодно мог разорвать конверт и вынуть содержимое.

– Мне казалось, ты тоже так считаешь, – продолжил Бримстоун. – Вон как пишешь по нему.

Непонятно, почему Бримстоун не одобрял ее татуировки, ведь первая – глаза на ладонях – была на его совести. По крайней мере, Кэроу так думала, хотя и сомневалась: отвечать на вопросы, даже самые простые, он не любил.

– Ладно, забудь, – ответила Кэроу со страдальческим вздохом. Именно со страдальческим: огнестрельная рана причиняла боль. Но пожаловаться, что Бримстоун столкнул ее лицом к лицу с опасностью неподготовленной, она не могла: восточным единоборствам ее обучали с детства. Сэнсэй объяснил с самого начала, что этим не хвастаются, и друзья были бы весьма удивлены, если бы узнали, что плавность ее движений и грациозная осанка – результат тренировки смертоносных навыков. Впрочем, против огнестрельного оружия карате бессильно – в этом она имела несчастье убедиться.

Вылечилась Кэроу быстро, с помощью жгучей мази и, как она подозревала, колдовства, однако то происшествие поколебало юношеское бесстрашие, и теперь она исполняла поручения с большей осторожностью.

Подошел поезд. Она втащила свою ношу в вагон, стараясь не думать о том, что завернуто в холст, и о жизни, оборвавшейся где-то в Африке. Хотя, возможно, произошло это давно. Кэроу знала: в нынешние времена благодаря браконьерам у слонов редко вырастают бивни такой величины. Убивая самых крупных самцов, они изменили их генофонд. А она была соучастницей кровавого промысла: везла в парижском метро контрабандный товар – части вымирающих животных.

Пока поезд бежал по темным туннелям, она безотрывно смотрела в окно, стараясь гнать эти мысли подальше. Каждый раз, когда они посещали ее, жизнь казалась гнусной и отвратительной.

В прошлом семестре, смастерив крылья, Кэроу придумала себе прозвище «Угасший ангел», и оно вполне ей подходило. Крылья она делала из настоящих перьев, которые позаимствовала у Бримстоуна, – в течение долгих лет их носили ему торговцы. В детстве она играла с ними, пока до нее не дошло, что из-за этих перьев убивали птиц, исчезали целые виды.

Теперь она уже не была так наивна, как та девочка, играющая с перьями на полу в логове дьявола. Однако что делать, она не знала. В этом состояла ее жизнь: колдовство, и стыд, и тайны, и зубы, и глубокая, мучительная пустота внутри.

Кэроу страдала от чувства, что в ней чего-то недостает. Оно преследовало ее всегда и было сродни ощущению, когда что-то забываешь и никак не можешь вспомнить, что именно. Однажды она попыталась описать это чувство Иссе:

– Так бывает, когда зайдешь в кухню и знаешь, что пришла не просто так, но не можешь сообразить зачем.

– У тебя такие ощущения? – нахмурилась Исса.

– Постоянно.

Исса притянула ее к себе и погладила волосы – в то время еще натурального, почти черного цвета, – и сказала не очень убедительно:

– Ничего, милая, пройдет. Постарайся не тревожиться.

Тащить бивни вверх по лестнице в метро было куда труднее, чем вниз, и, добравшись до последней ступеньки, Кэроу утомилась, вспотела и была крайне раздражена. Портал располагался недалеко, в небольшой надворной постройке синагоги. Прямо у двери увлеченно беседовали два раввина: обсуждали какой-то акт вандализма.

– Отлично, – проворчала Кэроу.

Пройдя мимо них, она прислонилась спиной к железным воротам и стала ждать. Наконец они ушли, и Кэроу, приставив бивни к маленькой двери, постучала. Как обычно, стоя у портала в каком-нибудь глухом переулке, она представляла, что ее бросили на произвол судьбы. Иногда Исса подходила не сразу, и Кэроу охватывал страх – а вдруг ее на этот раз не впустят? Забудут о ней, и не на ночь, а навсегда? Если дверь не откроют, она останется совсем одна.

Время шло, дверь все никак не отворялась, и тут Кэроу, устало прислонившаяся к косяку, кое-что заметила. На дверном полотне виднелся большой черный отпечаток ладони. В этом не было бы ничего удивительного, если бы не ощущение, что отпечаток выжгли. При этом он сохранял четкие контуры. Скорее всего, это и был предмет обсуждения раввинов. Кэроу обвела его кончиком пальца, обнаружив, что он словно впечатан в дерево. Ее собственная ладонь

легко уместилась внутри. На руке осталась зола. В недоумении Кэроу отряхнула пальцы.

Откуда здесь отпечаток? Может, умело вырезанная метка? Иногда поставщики Бримстоуна оставляли знаки, чтобы упростить себе поиски портала в следующий раз, но такой отпечаток для них слишком сложен: обычно это был лишь мазок краской или нацарапанный ножом крест.

Скрипучая дверь отворилась, и Кэроу вздохнула с облегчением.

– Нормально прошло? – спросила Исса.

Кэроу втащила бивни в переднюю, наклонив, чтобы они прошли в дверной проем.

– А то! – Она прислонила свою поклажу к стене. – Каждый день бы таскалась по Парижу с бивнями – нет ничего приятнее.

7. Черные отпечатки

В считаные дни на множестве дверей по всему миру появились черные отпечатки ладоней – выжженные в дереве или металле. В Найроби, Дели, Санкт-Петербурге, других городах. Не успел владелец кальянного заведения в Каире закрасить знак на задней двери, как краска начала тлеть, и в течение нескольких часов метка проступила снова.

Объявились свидетели акта вандализма, но никто им не поверил.

– Он это сделал голой рукой, – пытался втолковать нью-йоркский мальчишка матери, тыча пальцем в окно. – Просто приложил ладонь, и дверь стала тлеть и дымиться.

Мать вздохнула. Малыш любил приврать, и ему не поверили, а он и в самом деле видел, как рослый человек коснулся ладонью двери и выжег клеймо.

– Тень у него была странная, – сказал он матери.

Пьяный турист в Бангкоке наблюдал похожую сцену, только отпечаток оставила женщина неописуемой красоты. Он, словно завороженный, поплелся за ней, а она, клялся турист, упорхнула…

– У нее не было крыльев, – сообщил он друзьям, – а у ее тени – были.

– Глаза у него – как огонь, – сказал старик, видевший пришельца с крыши своей голубятни. – Искры посыпались, когда он взмыл в небо!

Итак, это происходило в глухих переулках и на темных задворках Куала-Лумпура, Стамбула, Сан-Франциско, Парижа. Откуда ни возьмись, возникали красивые мужчины и женщины с искаженной тенью и выжигали отпечатки своих ладоней на дверях, а затем улетали в небо, вздымая невидимыми крыльями горячие волны. Тут и там падали перья, похожие на языки белого пламени, и, касаясь земли, превращались в золу. В Дели сестра милосердия протянула руку и поймала перышко, словно каплю дождя, но, в отличие от капли, перо вспыхнуло и оставило след на коже.

– Ангел, – прошептала она, наслаждаясь болью.

Она почти не ошиблась.

8. Гавриэли

Напротив Бримстоуна сидел американец-зверобой омерзительной внешности: лицо – словно кусок мяса, гарнированный самой большой и грязной бородой из всех, что Кэроу доводилось видеть.

Она обернулась к Иссе и скорчила гримасу.

– Знаю, знаю. – Исса преодолевала порог, волнообразно сокращая мускулы. – С ним Авигет. У нее вот-вот начнется линька.

Кэроу улыбнулась.

Коралловая змея Авигет обвила толстую шею зверобоя воротником – слишком красивым для таких типов, как он. Черные, желтые, малиновые полосы, хоть и потускневшие, напоминали чудесную китайскую эмаль клуазоне. Несмотря на красоту, Авигет была смертельно опасна, к тому же надвигающаяся линька сделала ее чересчур раздражительной. Змея то высовывалась из бороды, то снова пряталась, постоянно напоминая торговцу, что ему следует вести себя прилично, если хочет остаться в живых.

– Прошу от имени всех животных Северной Америки, – шепнула Кэроу Иссе, – пусть она цапнет его!

– Я-то не против, да Бримстоуну это не понравится. Бейн – один из самых ценных поставщиков.

Кэроу вздохнула.

Задолго до ее рождения Бейн начал снабжать Бримстоуна зубами гризли, барибалов, белых медведей, а также рысей, лисиц, пум, волков. Иногда приносил и собачьи. Специализировался он на хищниках – здесь они всегда ценились выше. Кэроу не раз напоминала Бримстоуну, что для человечества они тоже имеют высочайшую ценность. Сколько прекрасных экземпляров убито ради этой кучи зубов?

Она хмуро наблюдала, как Бримстоун извлек из сейфа два золотых медальона размером с блюдце. На каждом был выгравирован его портрет. Гавриэли. Их хватило бы, чтобы получить способность летать и становиться невидимой. Бейн, запихнув медальоны в карман, осторожно, стараясь не потревожить Авигет, поднялся со стула. Торговец окинул девушку взглядом, в котором – она могла поклясться – сквозило злорадство, и нахально подмигнул.

Кэроу стиснула зубы и не проронила ни слова, пока Исса выпроваживала Бейна за дверь. Неужели только сегодня утром Каз подмигивал ей с подиума? Ну и денек!

Дверь закрылась, и Бримстоун жестом подозвал Кэроу. Подтащив завернутые в холстину бивни, она бросила их на пол.

– Осторожнее, – рявкнул он. – Знаешь, сколько они стоят?

– Еще бы! За них же платила я.

– То цена для людей. Эти тупицы распилили бы их на побрякушки.

– А тебе они зачем? – спросила Кэроу как ни в чем не бывало, словно Бримстоун мог забыться и выдать наконец свою главную тайну: для чего ему все эти зубы.

В ответ он лишь бросил на нее усталый взгляд, в котором читалось: «Зря стараешься».

– Ты первый спросил, – смутилась Кэроу. – Мой ответ: нет. Я не знаю, сколько стоят эти бивни не для людей. Понятия не имею.

– Они бесценны.

Бримстоун принялся разрезать скотч серповидным ножом.

– Повезло, что я надела бусики, – сказала Кэроу, усаживаясь на стул, который освободил Бейн. – А то ушли бы твои бесценные бивни к другому…

– Что?!

– Денег оказалось мало. Один гадкий коротышка – с виду военный преступник, хотя точно не скажу, – все набавлял и набавлял цену. Определенно решил завладеть ими. Возможно, мне не стоило… Ты ведь не одобряешь мою – как ее? – мелочность. – Она мило улыбнулась и потрогала оставшиеся бусины. Теперь их хватило бы только на браслет.

Свежеизобретенный трюк с чесоткой заставил человека в спешке ретироваться. Безусловно, Бримстоун все знал. «Мог бы и спасибо сказать», – подумала она. Вместо этого он швырнул на стол монету.

Жалкий шинг.

– И все? Я тащила эти штуковины через весь Париж за несчастный шинг, а бородач преспокойно получает два гавриэля!

Не обращая внимания, Бримстоун продолжал снимать с бивней чехол. Подошел Твига, и они зашептали о чем-то на своем языке, который Кэроу знала с пеленок. Язык был резкий, похожий на рык и шипение, полный гортанных звуков. По сравнению с ним даже немецкий и иврит казались мелодичными.

Пока они обсуждали форму зубов, Кэроу придвинула чашки с практически бесполезными скаппи и принялась пополнять бусики, решив, что отныне она будет наматывать их на руку, как браслет.

Твига утащил бивни в свой закуток на очистку, и Кэроу подумала, что пора собираться домой.

«Дом». Кэроу мысленно всегда заключала это слово в кавычки. Она сделала все, чтобы ее квартира стала уютной: украсила картинами, накупила книг, нарядных светильников, постелила персидский ковер, мягкий, как рысий мех. И, конечно, повесила крылья ангела, которые занимали целую стену. Но настоящую пустоту ничем не заполнишь. Находясь в одиночестве, она почти ощущала, как пространство начинало раздуваться внутри нее. Даже с Казом было легче, хотя до конца это чувство никогда не проходило.

Она вспомнила о маленькой раскладушке за книжными стеллажами в глубине лавки, на которой спала раньше, и в голове мелькнула неожиданная мысль: не заночевать ли сегодня здесь? Заснуть, как в детстве, под журчание приглушенных голосов, шелест Иссиного скольжения, возню зверушек…

Из кухни появилась Ясри с подносом в руках. Рядом с чайником стояла тарелка, наполненная рогаликами с кремом.

– Проголодалась, милая девочка? – сказала Ясри голосом попугая. Бросив взгляд на Бримстоуна, она добавила: – Не годится голодать растущему организму. Вечно бегаешь туда-сюда.

– Ведь я – девочка на побегушках, – усмехнулась Кэроу и схватила с тарелки печенье.

Исподлобья взглянув на них, Бримстоун проворчал:

– А питаться печеньем растущему организму полезно, правильно я понимаю?

Ясри фыркнула.

– С удовольствием готовила бы здоровую еду, если бы ты, грубиян, предупреждал о ее приходе. – Она повернулась к Кэроу: – Ты совсем исхудала, милая. Рогалик тебе не повредит.

– Угу, – согласилась Исса, гладя волосы девушки. – Хорошая бы из нее получилась пантера: грациозная, несуетливая, с прогретым на солнце мехом, и не слишком тощая. Упитанная девочка-пантера, лакающая сливки.

Кэроу улыбнулась, продолжая жевать. Ясри налила каждому по чашке чая – как они любили, Бримстоуну – с четырьмя кусками сахара. По прошествии стольких лет Кэроу не переставала удивляться, что Продавец желаний – сладкоежка. Допив чай, он продолжил свою нескончаемую работу: нанизывание зубов на нити.

– Арабский сернобык, – определила Кэроу, когда он выбрал из лотка очередной зуб.

Бримстоуна это не впечатлило.

– Антилопу узнает каждый.

– Тогда спроси что-нибудь потруднее.

Он протянул акулий зуб, и Кэроу вспомнила, как в детстве она сидела здесь рядом с ним и изучала зубы.

– Мако, – сказала она.

– Какая из них?

– М-м-м, э-э-э… – Она размышляла, зажав зуб между большим и указательным пальцами. Бримстоун учил ее с пеленок, и по едва ощутимым вибрациям она могла определить, кому принадлежит зуб и цел ли он.

– Короткоплавниковая, – заявила она.

Он крякнул, и это означало, что ее старания оценены.

– А ты знал, – спросила Кэроу, – что эмбрионы акулы-мако поедают друг друга в утробе?

Ласкающая Авигет Исса брезгливо фыркнула.

– Это действительно так. На свет появляются только зародыши-каннибалы. Представляете, если бы люди так делали?

Она закинула ноги на стол, однако, заметив тяжелый взгляд Бримстоуна, почти сразу убрала.

Теплая атмосфера в лавке убаюкивала. Хотелось устроиться на раскладушке в укромном уголке под стареньким лоскутным одеялом, которое Ясри когда-то сшила специально для нее.

– Бримстоун, – нерешительно сказала она, – как ты думаешь…

В это мгновение раздался неистовый стук.

– Вот те на! – Собиравшая посуду Ясри взволнованно щелкнула клювом.

Позади рабочего места Твиги в темном углу лавки была еще одна дверь, которая ни разу за всю жизнь Кэроу не открывалась в ее присутствии. Она понятия не имела, что за ней.

И снова стук, такой яростный, что в склянках задребезжали зубы. Бримстоун поднялся. Кэроу знала, что ей тоже следует встать и быстро уйти, однако, вжавшись в спинку стула, она попросила:

– Можно мне остаться? Лягу потихоньку на раскладушку в уголке. Я не буду подсматривать…

– Кэроу, – строго произнес Бримстоун. – Ты знаешь правила.

– Ненавижу правила.

Он шагнул к ней и приготовился скинуть со стула, если она не послушается, но девушка подскочила сама, подняв вверх руки.

– Ладно, ладно.

Под непрекращающийся стук Кэроу накинула пальто, захватила с подноса еще один рогалик и пошла за Иссой в переднюю.

Она не стала спрашивать, кто пришел, – секреты Бримстоуна Исса никогда не выдавала, – и лишь обронила чуточку жалостливо:

– Собиралась спросить Бримстоуна, можно ли мне переночевать.

Исса поцеловала ее в щеку.

– О, милая девочка, вот было бы хорошо. Давай переждем здесь, как раньше.

Когда Кэроу была слишком маленькой, чтобы выставлять ее одну на улицу, они с Иссой уходили сюда и порой часами просиживали в этом крохотном пространстве. Исса развлекала ее песнями и рисованием – тогда Кэроу впервые им и увлеклась, или возлагала ей на голову венки из ядовитых змей, пока Бримстоун встречался с теми, кто приходил через заднюю дверь.

– Ты можешь вернуться позже, – предложила Исса.

– Ничего, – ответила Кэроу. – Я пойду.

Исса сжала ее руку.

– Сладких снов, милая девочка.

Съежившись, Кэроу шагнула в холод. Часы на башнях пражских улиц били полночь, долгий и беспокойный понедельник подошел к концу.

9. Дьявольские врата

Акива стоял на краю плоской крыши в Эр-Рияде и смотрел вниз, на дверь в узком переулке – на вид такую же неприметную, как и все остальные, но он чувствовал жгучую ауру ее чар, как боль за глазами.

Один из выходов дьявола в мир людей.

Широко раскрыв огромные крылья – невидимые, видна была лишь их тень на земле, – Акива спланировал вниз и приземлился в россыпи искр. Подметальщик улиц бросился на колени, но Акива, не обратив на него внимания, повернулся лицом к двери и крепко сжал рукоять меча. Больше всего на свете ему хотелось вынуть клинок из ножен и ворваться внутрь, покончить со всем прямо здесь, в лавке Бримстоуна, пролить кровь, но магическая сила порталов не позволяла – не стоило даже пытаться, – и он сделал то, зачем явился сюда.

Вытянув руку, приложил ладонь к двери. Легкое свечение, запах гари – и на деревянной поверхности остался отпечаток.

Пока достаточно.

Он развернулся и зашагал прочь, а люди жались к стенам, уступая ему дорогу.

Конечно, они видели его не таким, каким он был на самом деле. Волшебство скрывало огненные крылья, однако сойти за обычного человека ему все равно не удавалось. Высокий юноша неописуемой красоты, от которой захватывало дух, – такую редко встретишь в реальной жизни – с грацией хищника шел среди людей и обращал на них внимания не больше, чем на статуи в парке. На поясе его висел меч, закатанные до локтей рукава обнажали загорелые, жилистые предплечья. Кисти рук вызывали особое любопытство: покрытые белыми

шрамами и черными полосами татуировок – простые повторяющиеся линии штриховали фаланги пальцев.

Коротко остриженные темные волосы образовывали «вдовий» мысок на лбу. Золотистую кожу бронзой оттенял загар, особенно выделяя выступы на лице – высокие скулы, надбровные дуги, переносицу, – Акива словно купался в густом медовом свете.

При всей своей красоте вид он имел неприветливый. Невозможно было представить, что это лицо вдруг просияет улыбкой. Действительно, Акива не улыбался уже много лет. И не собирался делать этого впредь.

Но все это было лишь мгновенное впечатление. Останавливаться и смотреть, как он проходит мимо, людей заставляли его глаза.

Глаза были как у тигра, янтарного цвета с черным контуром, образованным густыми ресницами и сурьмой, из-за чего золотистые радужки, казалось, испускали лучи света. Чистым и ярким, завораживающим и невероятно красивым, этим глазам явно чего-то не хватало. Возможно, человечности – того самого качества, название которому люди, безо всякой иронии, дали в честь самих себя. Когда с Акивой внезапно столкнулась старушка, у нее перехватило дыхание.

В его глазах словно горел живой огонь. Женщина была уверена – она вот-вот вспыхнет пламенем.

Ахнув, она оступилась, и Акива протянул руку, чтобы помочь ей удержаться на ногах. Она ощутила жар, а когда юноша прошел дальше, ее задели невидимые крылья. Разлетелись искры, и женщина застыла, в изумлении и страхе наблюдая за удаляющейся фигурой. Она отчетливо увидела тень от развернутых веером крыльев. Затем, обдав ее горячей волной, унесшей с головы косынку, он исчез.

В считаные мгновения Акива взмыл ввысь. В разреженном воздухе кожу покалывали ледяные кристаллы. Крылья пламенеющими парусами озаряли черноту небес. Он устремился к следующему человеческому городу искать другую дверь, помеченную дьявольскими чарами, а затем – еще и еще, пока на каждой из них не останутся черные отпечатки рук.

В разных странах Азаил и Лираз занимались тем же. Они пометят все двери, и это станет началом конца.

И начнется он с огня.

10. Девочка на побегушках

В общем-то, у Кэроу получалось удерживать в равновесии две свои жизни. Она была семнадцатилетней студенткой художественного лицея в Праге; в то же время – девочкой на посылках у монстра, который заменял ей семью. Чаще всего ей удавалось и то и другое. Не всегда, конечно, но по большей части.

Однако эта неделя выдалась особой.

Во вторник в самый разгар занятий в школе на окно уселся Кишмиш и принялся стучать клювом в стекло. Принесенная им записка, еще более немногословная, чем давешняя, гласила: «Приходи». И Кэроу пошла. Хотя знай она, куда ее на этот раз отправит Бримстоун, возможно, и отказалась бы.

Птичий рынок в Сайгоне – одно из тех мест на земном шаре, которые она ненавидела всей душой. Котята и немецкие овчарки, летучие мыши, малайские медведи и лангуры продавались там вовсе не в качестве домашних любимцев, а в кулинарных целях. Старая карга – мать мясника – хранила зубы в погребальной урне, и именно Кэроу приходилось забирать их раз в несколько месяцев и скреплять сделку глотком кислого рисового вина, от которого бурлило в желудке.

Среда: север Канады. Два охотника-атапаска. Доставка партии волчьих зубов.

Четверг: Сан-Франциско. Молодая блондинка-герпетолог, в тайнике у которой хранились ядовитые зубы гремучих змей, оставшиеся от несчастных объектов научных исследований.

– Между прочим, могли бы явиться в лавку и сами, – буркнула Кэроу: на следующий день ей предстояло сдавать автопортрет, и лишние несколько часов

не помешали бы, чтобы довести его до совершенства.

Поставщики не ходили в лавку по разным причинам. Некоторые потеряли доверие из-за плохого поведения. Другие не выдержали испытательный срок. Многие просто-напросто боялись надевать змеиный воротник – хотя в данном случае проблема была не в этом.

Герпетолог содрогнулась.

– Как-то раз я ходила. Думала, не уйду живой от женщины-змеи.

Исса не выносила тех, кто убивает рептилий, и, пребывая в дурном настроении, подговаривала своих змей слегка придушить убийц.

Кэроу подавила улыбку.

– Да? Тогда ладно. – Она отсчитала добрую стопку двадцатидолларовых купюр. – Если бы вы все-таки пришли, Бримстоун заплатил бы желаниями, а они стоят куда больше этих денег.

К великому сожалению Кэроу, ей он не доверял расплачиваться желаниями.

– Возможно, в следующий раз…

– Как вам будет угодно.

Кэроу пожала плечами и отправилась обратно к порталу, где снова заметила черный отпечаток руки. Она хотела рассказать о нем Бримстоуну, но тот беседовал с очередным поставщиком, а ее ждали домашние задания.

Проработав полночи над автопортретом, утром в пятницу она еле держалась на ногах от усталости и от всей души надеялась, что сегодня Бримстоун оставит ее в покое. Обычно он не посылал за ней чаще двух раз в неделю, а она выполнила уже четыре поручения. С утра, рисуя старика Виктора в боа из перьев – вид, от которого бедная Зузана чуть не умерла, – Кэроу то и дело бросала взгляд на окно. На послеобеденном занятии живописью она все еще беспокоилась, что прилетит Кишмиш, но опасения не оправдались, и после школы она поджидала

Зузану, укрывшись от дождя под навесом.

– Что ж, – промолвила подруга, – это загадочное существо – Кэроу. Рассмотрите его повнимательнее, друзья. Оно встречается нам все реже и реже.

Кэроу заметила отчужденность в тоне.

– В «Ядовитую кухню»? – предложила она с надеждой в голосе. После тяжелой недели ей хотелось плюхнуться на диванчик в кафе, сплетничать, и смеяться, и рисовать, и пить чай – заняться обычными делами и восполнить то, чего ей так не хватало.

Зузана повела бровью.

– И что, никаких заданий?

– Слава богу, нет. Пойдем скорее, я замерзла.

– Не знаю, Кэроу. Возможно, на этот раз секретное поручение у меня.

Кэроу прикусила щеку и задумалась, что ответить. Она терпеть не могла тайны, которые хранил от нее Бримстоун; еще больше ей не нравилось так же поступать с Зузаной. Разве дружба удержится на отговорках и лжи? Взрослея, она понимала, что обзавестись друзьями почти невозможно: необходимость лгать всегда все портила.

Раньше было еще хуже, ведь она жила в лавке – о совместных играх со сверстниками и не мечтай! Каждое утро она шла в школу на Манхэттене, затем на занятия карате и айкидо, а вечером вновь возвращалась к порталу. Однажды Белинда, подружка Кэроу, заметила, как та входит в обшитую досками дверь в заброшенном здании в Ист-Виллидж, и решила, что она бездомная. По школе поползли слухи, подключились родители и учителя, и Кэроу, которая не сумела в срочном порядке вызвать Эстер, свою «липовую» бабушку, взял под свою опеку Департамент социального обеспечения. Ее поместили в интернат для трудных подростков, откуда она сбежала в первую же ночь, – только ее и видели. После – новая школа в Гонконге и дополнительные предосторожности при входе в портал. А значит – еще больше лжи и тайн.

Теперь она выросла, и социальные службы больше не рыскали вокруг, однако с друзьями приходилось осторожничать. Ей совсем не хотелось потерять Зузану.

Кэроу вздохнула.

– Прости, неделя выдалась сумасшедшая. Работа…

– Ты работаешь?!

– Да. А на что, ты думала, я живу?

Она надеялась, что Зузана улыбнется, но та лишь прищурилась.

– Откуда мне знать, на что ты живешь, Кэроу? Мы уже столько дружим, а ты ни разу не рассказывала ни о своей работе, ни о семье, ни о чем…

Пропустив мимо ушей «ни о семье, ни о чем», Кэроу ответила:

– Работа – не совсем точное определение. Я просто на посылках у одного типа. Забираю передачи, встречаюсь с людьми.

– У наркоторговца? – насторожилась Зузана.

– Брось, Зузи! Он… коллекционер, наверное.

– Неужели? И что же он коллекционирует?

– Кое-что. Какая разница?

– Для меня разница есть, Кэроу. Все это звучит странно. Ты, часом, ни в чем таком не замешана?

«Нет, – подумала Кэроу, – вовсе нет». И, глубоко вздохнув, сказала:

– Честное слово, я не могу рассказать. Это его дела, не мои.

– Отлично! Ну и ладно! – Зузана крутанулась на каблуках и решительно зашагала прочь.

– Погоди! – крикнула вслед Кэроу.

Как ей хотелось поговорить откровенно! Рассказать Зузане о том, что пришлось пережить на этой неделе, о слоновьих бивнях, кошмарном птичьем рынке, о том, что Бримстоун платил ей ничтожные шинги, и о жутком стуке в дверь. Нарисовать в альбоме – уже кое-что, но все равно недостаточно. Хотелось выговориться.

Разумеется, об этом и речи быть не могло.

– Пожалуйста, пойдем в «Кухню». – Голос прозвучал тихо и устало.

Обернувшись, Зузана заметила на лице Кэроу выражение тоски и потерянности, которое появлялось, когда на нее никто не смотрел. Хуже всего, что оно было у нее постоянно, а все остальное – лишь маски, чтобы его скрыть.

Зузана смягчилась.

– Ладно. Хорошо. До смерти хочется гуляша. До смерти! Ха-ха…

Отравленный гуляш в «Ядовитой кухне» – старая их шутка, и Кэроу поняла, что все в порядке. Пока. Но что будет в следующий раз?

Они побежали под дождем без зонтиков, прижимаясь друг к другу, спеша скорее добраться до места.

– Забыла сказать, около «Кухни» ошивался твой Болван, – сообщила Зузана. – Наверное, тебя поджидал.

– Только этого не хватало, – проворчала Кэроу.

Каз звонил и слал сообщения, но она не обращала внимания.

– Пойдем в другое место?

– Ни за что! Не позволю мышиному паштету оккупировать «Кухню»!

– Мышиному паштету? – повторила Зузана.

Это было любимое ругательство Иссы, женщины-змеи, и с учетом ее диеты, состоящей в основном из маленьких пушистых созданий, оно имело смысл.

– Да, – ответила Кэроу. – Паштету. Фаршу из мышей, подается с хлебом и кетчупом…

– Бр-р… Прекрати!

– Можно заменить хомяками, – продолжала Кэроу. – Или морскими свинками. Знаешь, как готовят морских свинок в Перу? Насаживают на палочки и поджаривают на костре, как зефир…

– Хватит!

– М-м-м, смор[4 - Смор (s'more) – традиционное американское угощение, которое едят в детских лагерях: зефир поджаривается на костре и вместе с кусочком шоколада кладется между двумя печеньями.] из морской свинки…

– Перестань, умоляю! Меня сейчас вырвет.

Кэроу замолчала. Краем глаза она уловила знакомое порхание. «Нет, нет, нет, – подумала она и не повернула головы – или не захотела повернуть. – Только не сегодня, Кишмиш».

– Что с тобой? – спросила Зузана.

Снова порхание в круге света от фонаря. Слишком далеко, чтобы не привлекать внимания, но это точно Кишмиш.

Черт!

– Все в порядке, – отозвалась Кэроу, продолжая решительно шагать в направлении «Ядовитой кухни».

А что оставалось делать? Хлопнуть себя по лбу и сказать, что вспомнила о поручении? Интересно, как отреагировала бы Зузана, если бы увидела маленького посланника Бримстоуна, с крыльями летучей мыши на оперенном тельце? Скорее всего, ей тут же захотелось бы сделать такую марионетку.

– Как проект с куклами? – Кэроу старалась говорить обычным тоном.

Зузана просветлела и принялась рассказывать. Кэроу слушала вполуха, не в силах унять тревогу. Что сделает Бримстоун, если она не придет? Сможет он выйти из лавки и отыскать ее?

Она знала, что Кишмиш летит следом, и, нырнув под арку, выразительно посмотрела на него, словно говоря: «Я вижу тебя. И никуда не пойду». Он недоуменно склонил головку, но Кэроу, не обращая на него внимания, вошла в здание.

В переполненном кафе Каза, к счастью, не было. Местные рабочие, бэкпекеры, художники-эмигранты, студенты тусовались у гробов, сквозь густой сигаретный дым как в тумане проглядывали зловещие очертания римских статуй в противогазах.

– Проклятье! Мор занят! – буркнула Кэроу, увидев, что за их любимым столиком сидит троица небритых бэкпекеров.

– Все занято, – отозвалась Зузана. – Чертов путеводитель! Будь моя воля, повернула бы время вспять и придушила бы писаку в глухом переулке, чтобы он никогда не набрел на это место.

– Какая ты жестокая! Всех и каждого задушила бы и обработала электрошокером.

– Вот именно, – согласилась Зузана. – С каждым днем все больше ненавижу людей. Они меня бесят. Если я такая сейчас, представляю, что со мной будет в старости.

– Станешь зловредной старухой, с балкона расстреливающей детей из пневматического ружья.

– Не-а. Пневматика их только раззадорит. Лучше возьму арбалет. Или базуку.

– Вот зверюга!

Сделав реверанс, Зузана вновь окинула печальным взглядом переполненное кафе.

– Черт! Пойдем в другое место?

Кэроу покачала головой. Волосы у них намокли, и снова выходить на улицу не хотелось. Она просто ждала, когда освободится любимый столик в ее любимом кафе. И одновременно перебирала пальцами в кармане куртки заработанные за неделю шинги.

– Думаю, эти парни собираются уходить. – Она кивнула в сторону туристов, расположившихся около Мора.

– Вряд ли, – отозвалась Зузана. – Они едва притронулись к пиву.

– Точно тебе говорю. – Один из шингов дематериализовался между пальцами. Секунду спустя бэкпекеры встали. – Ну вот, а ты не верила.

Она представила комментарий Бримстоуна:

Выгнать странников из кафе: желание эгоистичное.

Озадаченные туристы пошли к выходу.

– Странно, – произнесла Зузана, занимая столик. – А они милые…

– Да? Позвать назад?

– Неплохо бы… – У них было правило – не знакомиться с бэкпекерами, которые все выглядели одинаково – щетинистые парни в мятых рубахах. – Просто я поставила диагноз – милые. К тому же вид у них был жалкий. Как у щенков.

Кэроу почувствовала себя виноватой. Зачем она ослушалась Бримстоуна, зачем загадала подлое желание – выставить ни в чем не повинных бэкпекеров под дождь? Она плюхнулась на диванчик. Голова раскалывалась. Кэроу устала и никак не могла отделаться от беспокойства: что скажет Продавец желаний?

За гуляшом взгляд ее не отрывался от входной двери.

– Ждешь кого-то? – спросила Зузана.

– Нет, просто боюсь, как бы Каз не нарисовался.

– А-а. Пусть попробует. Затолкаем его в этот гроб и забьем гвоздями.

– Звучит клево.

Чай подали в серебряных приборах с выгравированными словами «мышьяк» и «стрихнин» на сахарнице и сливочнике.

– Итак, – сказала Кэроу, – завтра в театре ты встретишься со скрипачом. Каков план?

– У меня нет плана. Пропустить бы все это и поскорее добраться до той части, где он станет моим бойфрендом. Я уже молчу о том, что ему вообще не мешало бы узнать о моем существовании.

– Да брось! Неужели ты вправду хочешь пропустить эту часть?

– Да, хочу.

– Пропустить знакомство с ним? Нервную дрожь, выскакивающее из груди сердце, смущение? Ту часть, когда вы впервые войдете в магнитные поля друг друга, и невидимые энергетические линии словно притянут вас…

– Невидимые энергетические линии? – повторила Зузана. – Ты, часом, не оккультистка? Как те чудики, что носят кристаллы и читают ауру?

– Ты знаешь, о чем я. Первое свидание, прикосновение, первый поцелуй, потаенные чувства, томление…

– Кэроу, да ты романтик!

– Вряд ли. Я хочу сказать, начало – это здорово. Все вокруг искрится и сверкает… пока ты не узнаешь, что он – козел.

Зузана скривилась.

– Ну не все же козлы.

– Может, и не все. Наверное, бывают и нормальные.

– Он нормальный! Как думаешь, есть шанс, что парень окажется и не сволочью и без девушки? Я серьезно. Какова вероятность?

– Почти никакой.

– Знаю… – Зузана картинно откинулась назад и замерла в позе сломанной марионетки.

– Ты ведь нравишься Павлу. Уж он-то точно не сволочь.

– Ну да, Павел – душка, но когда я его вижу, у меня внутри не порхают бабочки.

– Бабочки, – вздохнула Кэроу. – Мне это знакомо. Знаешь, что я думаю? Бабочки есть в животе у каждого, они живут там всегда…

– Как бактерии?

– Нет, не как бактерии. Бабочки одного человека реагируют на бабочек другого на химическом уровне, как феромоны. И когда он приближается, твои бабочки

начинают порхать. Они по-другому не могут – это химия.

– Химия… Вот тебе и романтика.

– Знаю. Глупые бабочки.

Идея показалась занятной, и Кэроу, открыв альбом, принялась рисовать кишки и желудок, заполненные бабочками. Латинское название им будет Papilio stomachus.

– Так если все это химия и тут ничего не поделаешь, значит, Болван все еще заставляет твоих бабочек порхать?

Кэроу оторвала взгляд от рисунка.

– Только не это! От него мои бабочки блюют.

Прикрыв губы рукой, Зузана согнулась пополам, подавила смех и только тогда смогла проглотить набранный в рот чай.

– Фу, гадость. У тебя полный желудок блевотины!

Продолжая работать карандашом, Кэроу ухмыльнулась.

– Вообще-то, у меня полный желудок дохлых бабочек. Их убил Каз.

Она сделала подпись к рисунку: «Papilio stomachus – хрупкие существа, чувствительные к холодам и предательству».

– Знаешь что? – сказала Зузана. – На такого могли повестись только бестолковые бабочки. Вырастишь других, у которых будет больше здравого смысла. Новых мудрых бабочек.

Кэроу любила Зузану за то, что та с удовольствием ей подыгрывала во всяких глупостях.

– Правильно! – Она подняла чашку. – За новых бабочек! Пусть они будут не такими глупыми, как предыдущие!

Наверное, сейчас они уже созревают в маленьких толстых коконах. А может быть и нет. Трудно и представить, чтобы то волшебное чувство трепетания в животе возникло в ближайшее время. Надо выбросить такие мысли из головы. Ей это не нужно. Испытывая жажду любви, она ощущала себя кошкой, трущейся о ноги и мяукающей: «Погладь меня, приласкай меня, посмотри на меня, люби меня!»

Лучше быть кошкой, взирающей сверху вниз с высокой стены загадочным бесстрастным взглядом. Она не даст себя погладить, ей никто не нужен. Вот бы стать такой кошкой, надменной и гордой…

«Стать такой кошкой!!!» – подписала она рисунок в уголке листа.

Кэроу мечтала быть самодостаточной, невозмутимой девушкой. И не могла. Одинокая, она боялась пустоты внутри себя. Страстно желала, чтобы рядом с ней был кто-нибудь. Кто ждал бы ее с зонтиком под дождем, чтобы довести до дома. И каждый раз встречал улыбкой. Кто танцевал бы с ней на балконе, держал обещания и хранил секреты, и берег бы их маленький мир.

Дверь открылась. Она посмотрела в зеркало и ругнулась про себя. За спинами нескольких вошедших туристов вновь мелькнула знакомая крылатая тень. Кэроу встала и пошла в женскую комнату, где Кишмиш ждал ее с запиской.

Опять лишь одно слово. Но сейчас этим словом было: «Пожалуйста».

11. Пожалуйста

Бримстоун никогда не говорил «пожалуйста». Торопливо шагая по улицам, Кэроу ощущала даже большее беспокойство, чем если бы увидела в записке что-нибудь вроде: «Сейчас или никогда!»

Встретившая ее на пороге Исса была как никогда тиха.

– Что случилось, Исса? Я в беде?

– Тсс. Проходи и постарайся не отчитывать его сегодня.

– Отчитывать его! – Кэроу захлопала ресницами. Ей казалось, что если кого-то и будут сегодня отчитывать, то только ее.

– Порой ты слишком резка, будто ему и так недостаточно тяжело.

– О чем ты?

– О его жизни. О работе. Вся его жизнь – работа. Безрадостный, неутомимый труд. А еще ты добавляешь проблем.

– Я?! – Кэроу остолбенела. – Кажется, я пришла к середине разговора, да, Исса? Не могу взять в толк, о чем ты…

– Тише, сказано тебе! Просто будь такой же послушной, как в детстве. Ты была для всех нас самой большой радостью, Кэроу. Знаю, тебе нелегко живется, но старайся помнить – неприятности случаются не только у тебя.

Внутренняя дверь отворилась, и Кэроу ступила через порог. Сбитая с толку, она уже приготовилась защищаться, но, увидев Бримстоуна, забыла обо всем.

Он сидел за столом, тяжело склонившись вперед, подперев одной рукой огромную голову. В другой руке, как в чаше, он держал счастливую косточку, которую носил на шее. С одного рога хозяина на другой, взволнованно щебеча, перепрыгивал Кишмиш.

– Что… с тобой? – нерешительно спросила Кэроу.

Всю жизнь она засыпала его вопросами, но этот задала впервые. Просто не было причин: он редко проявлял даже малейшие эмоции, не говоря уже о том, чтобы показать слабость или усталость.

Бримстоун поднял голову и выпустил счастливую косточку.

– Ты пришла, – удивленно и с облегчением произнес он.

Кэроу кольнуло чувство вины.

– Ты ведь знаешь, «пожалуйста» – волшебное слово, – сказала она, стараясь придать голосу беспечность.

– Я думал, мы тебя потеряли.

– Потеряли меня? Ты думал, я умерла?

– Нет, Кэроу. Я думал, ты ушла на свободу.

– Как?.. – Она замолкла. Ушла на свободу? – Ты о чем?

– Я всегда знал, что однажды перед тобой откроется путь, который уведет тебя от нас. Так и должно произойти. Но я рад, что этот день еще не настал.

Кэроу в изумлении смотрела на него.

– Серьезно? Стоило мне отказаться от одного поручения, и ты решил, что я исчезла навсегда? Да… Хорошо же ты обо мне думаешь!

– Отпустить тебя – как открыть окно для бабочки. Разве кто-нибудь станет ждать, что бабочка вернется?

– Я не бабочка!

– Нет. Ты человек. Твое место – среди людей. Детство почти закончилось…

– И что? Я больше тебе не нужна?

– Наоборот. Ты нужна мне, как никогда раньше. Говорю же, я рад, что ты уходишь не сегодня.

Кэроу понятия не имела, что когда-нибудь наступит срок покинуть семью химер, и у нее даже есть возможность сделать это по своему желанию. Она не хотела. Разумеется, будь ее воля, она не стала бы выполнять некоторые жуткие поручения, но это не значит, что она, как бабочка, бьется о стекло, чтобы вырваться на свободу.

Бримстоун подвинул к ней кошелек.

Поручение. Кэроу почти забыла, зачем пришла. Со злостью открыла кошелек. Дирхамы. Значит, Марокко. Она вскинула бровь.

– Изил?

Бримстоун кивнул.

– Но еще рано.

В последнее воскресенье каждого месяца Кэроу встречалась в Марракеше с расхитителем могил. А сегодня только пятница, к тому же – предпоследней недели.

– Пора, – объявил Бримстоун, указав на высокий аптекарский сосуд на полке. Обычно заполненный человеческими зубами, сейчас он был почти пуст.

– О! – Кэроу обвела взглядом полку и к своему удивлению заметила, что содержимое многих банок изрядно уменьшилось. На ее памяти запасы зубов никогда не были такими скудными. – Ничего себе, сколько у тебя ушло! Что-то случилось?

Бессмысленный вопрос. Она ведь даже не знала, для чего ему вообще нужны зубы.

– Посмотри, что есть у Изила, – сказал Бримстоун. – Рад бы не отправлять тебя за человечьими зубами, да ничего не поделаешь.

Кэроу пробежала кончиками пальцев по животу в том месте, где остались шрамы от пуль, вспомнив случай в Санкт-Петербурге, когда все пошло не по

плану. Доставка человеческих зубов, которых в мире полным-полно, порой может обернуться неожиданностью.

Ей не забыть тех девочек в грузовом трюме, все еще живых, с окровавленными ртами, ожидающих своей участи.

Может, они все-таки успели убежать. Мысленно возвращаясь к тем событиям, Кэроу всегда придумывала счастливый конец – так Исса учила ее избавляться от ночных кошмаров, чтобы поскорее уснуть. Она изо всех сил верила, что дала им время улизнуть от торговцев людьми.

Какое странное чувство, когда в тебя стреляют. Как спокойна она была в то мгновение, как ловко вынула спрятанный нож и воспользовалась им!

А потом еще! И еще!

– Сходи на Джемаа-эль-Фна, – прервал ее мысли Бримстоун. – Кишмиш видел Изила несколько часов назад, когда я звал тебя в первый раз. Если повезет, он будет там.

С этими словами Бримстоун склонился над лотком с обезьяньими зубами – по-видимому, аудиенция была окончена. К радости Кэроу, перед ней вновь сидел старый Бримстоун. Проявившееся сегодня новое существо, которое говорило «пожалуйста» и сравнивало ее с бабочкой, выбило ее из колеи.

– Я его найду, – пообещала Кэроу. – И скоро вернусь с карманами, набитыми человеческими зубами. Ха! Спорим, сегодня это предложение кроме меня не произнес ни один человек в мире.

Продавец желаний молчал. Кэроу нерешительно потопталась в передней.

– Бримстоун, – сказала она, обернувшись. – Хочу, чтобы ты знал: я никогда… вас не брошу.

Он поднял взгляд, крокодильи глаза помутились от изнеможения.

– Откуда тебе знать, как ты поступишь? – произнес он и вновь ухватил рукой счастливую косточку. – Я этого от тебя не требую.

Исса закрыла дверь, и даже после того, как Кэроу шагнула за порог, образ Бримстоуна стоял перед глазами. В душе шевелилось тревожное чувство: что-то идет совсем не так, как надо.

12. Нечто совершенно иное

Акива видел, как она вышла. Он был в нескольких шагах, когда дверь распахнулась, высвобождая едкий поток чар, от которых бросило в дрожь. Из портала появилась задумчивая девушка с неправдоподобно синими волосами – цвета ляпис-лазури. Не обратив на него внимания, она торопливо прошла мимо.

Он молча смотрел ей вслед, и вскоре изгиб узкой улочки скрыл фигурку с развевающимися синими волосами. Тряхнув головой, он вновь повернулся к порталу и приложил к двери ладонь. Шипение, рука засветилась в дыму – готово: это последняя дверь из тех, которые он должен пометить. В других странах света Азаил и Лираз тоже вот-вот доделают свою часть работы и полетят в Самарканд.

Акива уже собирался взмыть в небо и преодолеть последний отрезок пути, чтобы встретиться с ними перед возвращением домой, но внезапно ощутил, как гулко застучало сердце. Он продолжал стоять на земле, глядя в том направлении, куда ушла девушка.

Не совсем понимая, что делает, он вдруг обнаружил, что идет вслед за ней, и вскоре заметил впереди переливающиеся синие волосы.

Как могла такая девушка связаться с химерами? Остальные поставщики Бримстоуна, насколько он мог судить, были отъявленными мерзавцами с остекленевшими глазами, от них за версту несло скотобойней. Но она? Ослепительная красавица, гибкая и грациозная… хотя на самом деле вовсе не это вызвало его интерес. В его окружении красивыми были все, поэтому внешняя привлекательность практически ничего не значила. Что тогда заставило его

следовать за ней по пятам, вместо того чтобы подняться в небо, ведь миссия была так близка к завершению? Ответа он не знал. Словно чей-то шепот влек его вперед.

Медина Марракеша подобна лабиринту, три тысячи узеньких переулков переплетаются, как змеи в ящике, однако девушка, похоже, хорошо знала дорогу. Один раз она ненадолго остановилась, чтобы провести пальцем по тканому полотну, и Акива замедлил шаг, чуть отклонившись в сторону, чтобы получше ее рассмотреть.

Бледное прекрасное лицо девушки несло отпечаток печали, даже потерянности, но стоило продавцу заговорить с ней, как это лицо озарилось улыбкой. Она что-то непринужденно ответила, мужчина засмеялся. Перекинулись еще парой шуток, при этом девушка говорила на хорошем арабском, издавая гортанные звуки, напоминающие кошачье мурлыканье.

Акива не сводил с нее ястребиного взора. Всего несколько дней назад люди были для него лишь легендой, и вот он здесь, в их мире. Ощущение – будто попал в книгу, ожившую книгу с цветами и запахами, и синеволосая девушка шла по ней, точно сказочная фея, и свет ложился на нее не так, как на других, а воздух, казалось, сгущался вокруг. Словно вся история развивалась вокруг нее.

Кто она?

Кем бы она ни была, чутье подсказывало ему, что она не из бримстоуновских «беспощадных жнецов». Она представляла собой нечто совершенно иное.

С решительным видом он пробирался за ней по медине.

13. Расхититель могил

Кэроу шла, засунув руки в карманы, и старалась отвлечься от тревожных мыслей о Бримстоуне. «Ушла на свободу» – что он хотел этим сказать? Ее охватило чувство надвигающегося одиночества, словно она – осиротевшее животное, которое приютили благодетели, но скоро отпустят в лес.

Она не хотела, чтобы ее отпускали. Ей хотелось, чтобы ею дорожили. Хотелось, чтобы у нее оставался дом и семья. Навсегда.

– Чудесные снадобья, мисс! Излечивают кишечные расстройства! – выкрикнул кто-то, и она не смогла сдержать улыбки, качая головой.

Как насчет исцеления сердечных расстройств? Есть здесь лекарства от них? Наверное, есть. В этом месте, среди шарлатанов и коммивояжеров царил дух настоящей магии. Она знала одного писаря, одевавшегося во все белое, который писал (и доставлял!) послания умершим, и старого рассказчика, продающего идеи писателям. Взамен он просил год их жизни. Кэроу видела, как туристы, смеясь, подписывали с ним договор, не веря ему ни секунды. А она верила. Разве не доводилось ей встречать куда более странные вещи?

С каждым шагом город все больше отвлекал от печальных мыслей. Трудно оставаться хмурой в таком месте. В некоторых дербах – так назывались кварталы, состоящие из пешеходных улочек, все вокруг было расцвечено яркими коврами. В других – со свежевыкрашенных шелков на головы прохожих капала пурпурная и кобальтовая краска. Словно пение экзотических птиц, слышалось разноголосье языков: арабского, французского, местных наречий. Тут и там женщины звали детей домой, у дверей сидели старики в фесках и курили.

Звонкий смех, коричный аромат, ишаки… и краски, буйство красок повсюду.

Кэроу пробиралась в самое сердце города – к площади Джемаа-эль-Фна, битком набитой разношерстной людской массой. Здесь были и заклинатели змей, и танцоры, чумазые босоногие мальчишки, карманники и незадачливые туристы. В продуктовых ларьках – все, от апельсинового сока до зажаренных бараньих голов. Случалось, Кэроу не могла быстро добраться назад до портала, но ей нравилось блуждать по улочкам Марракеша, попивая мятный чай, делать зарисовки, бродить по базарам, перебирая остроконечные туфли и серебряные браслеты.

Однако сегодня ей не удастся погулять. Бримстоуну явно не терпелось заполучить зубы. Кэроу вспомнила о пустых сосудах, в голове затренькало неистовое любопытство. Зачем все это? Для чего? Она пыталась пресечь такие мысли. В конце концов, ее задача – найти расхитителя могил, история которого, кстати, была в высшей степени поучительна.

«Не суй нос куда не следует» – одно из главных правил Бримстоуна, которому Изил не подчинился. Кэроу ему сочувствовала. В ней самой любопытство вспыхивало неукротимым огнем, разгорающимся с новой силой при любой попытке его потушить. Чем больше Бримстоун игнорировал ее вопросы, тем сильнее не терпелось узнать ответы. А вопросов было множество.

В первую очередь, разумеется, о зубах: на кой черт они нужны?

Затем насчет второй двери. Куда она ведет?

Что именно представляли собой химеры и откуда они взялись? Есть ли на свете другие химеры?

И о ней самой. Кто ее родители и как она оказалась на попечении у Бримстоуна? Была ли она как тот первенец из сказки «Румпельштильцхен», которого родители отдали за долги? Или, может, ее мать поставляла Бримстоуну зубы, и однажды ее удушил змеиный воротник, а кричащий младенец остался лежать на полу в лавке? Кэроу придумывала десятки сценариев, однако правды так и не узнала.

Может, она рождена для другой жизни? Подчас Кэроу почти ощущала – вот она, призрачная жизнь, совсем рядом, дразнит ее. Чувство могло нахлынуть в любое мгновение – когда она рисовала или шла по улице, а однажды они с Казом танцевали медленный танец, и ей вдруг показалось, что ее руки, ноги, тело должны двигаться совсем не так. Совсем не так. Не так.

Но как?

Она достигла площади и пошла сквозь толпу, ступая в такт ритмам мистической музыки гнауа, уклоняясь от мопедов и акробатов. От пекущегося на жаровнях мяса валили клубы дыма, как от охваченных пожаром домов, мальчишки шепотом предлагали гашиш. «Фото! Фото!» – настойчиво и шумно зазывали одетые в традиционные костюмы разносчики воды. В некотором отдалении среди татуировщиц и уличных дантистов она заметила согбенную фигуру Изила.

Ежемесячные встречи с ним напоминали замедленный просмотр фильма об угасании человека. Бывший врач и большой эрудит, когда-то он отличался изяществом и утонченностью. У него были добрые карие глаза и шелковистые

усы, которые он то и дело усердно разглаживал, как птица перышки. В лавку он являлся лично и решал вопросы с Бримстоуном за рабочим столом, но Изил не походил на других торговцев. Его приход всегда напоминал дружеский визит. Он любезничал с Иссой, баловал ее маленькими подарками – вырезанными из бобовых зерен змейками, жадеитовыми сережками, миндалем. Кэроу он дарил кукол, а однажды принес для них игрушечный чайный сервиз из серебра. Не забывал и про Бримстоуна: невзначай оставлял на его столе то плитку шоколада, то баночку меда.

Все это происходило до того, как его искорежило и скрутило под тяжестью ужасного выбора, который он сделал по собственной воле. С тех пор в лавку его не приглашали, и Кэроу встречалась с ним здесь.

При виде Изила у Кэроу сжалось сердце. Его согнуло вдвое, и лишь сучковатый посох из оливкового дерева не давал ему удариться лицом о землю. Синяки под ввалившимися глазами, вставные зубы, редкие замусоленные усы – у любого прохожего он вызывал сострадание. Для Кэроу, которая знала, как он выглядел всего лишь несколькими годами раньше, видеть его таким было невыносимо.

Его лицо просветлело.

– Вы только посмотрите, кто здесь! Красавица дочь Продавца желаний, милая посланница! Пришла угостить несчастного старика чашкой чаю?

– Привет, Изил! Чашка чаю – что может быть лучше? – отозвалась Кэроу и повела его в кафе, где они обычно встречались.

– Дорогая моя, разве уже прошел месяц? Кажется, я совсем запамятовал о нашей встрече.

– О нет, ты не запамятовал. Просто я пришла раньше.

– Ах, встретиться с тобой всегда приятно, но боюсь, для старого дьявола у меня найдется немного.

– Но хотя бы что-то есть?

– Совсем чуть-чуть.

В отличие от большинства других поставщиков, Изил не занимался охотой и не совершал убийств. Он вообще никого не убивал. Раньше он работал врачом в зонах боевых действий и имел доступ к телам погибших, чьих зубов никто не хватится. Теперь, когда душевное расстройство лишило его средств к существованию, ему приходилось раскапывать могилы.

– А ну, цыц! Веди себя как следует, тогда посмотрим, – внезапно рявкнул он.

Кэроу знала, он обращается не к ней, и тактично сделала вид, что ничего не слышала.

Они подошли к кафе. Когда Изил уселся, стул под ним накренился и заскрипел, ножки подогнулись, словно под тяжестью человека, весящего намного больше, чем этот истощенный старик.

– Итак, – сказал он, устраиваясь удобнее, – как поживают мои друзья? Исса?

– У нее все хорошо.

– Я так по ней скучаю… У тебя есть ее новые портреты?

Кэроу протянула ему рисунки.

– Красавица! – Кончиком пальца он обвел щеку Иссы. – Какая красавица! Ты очень талантлива, дорогая моя.

Увидев эпизод с сомалийским браконьером, он фыркнул.

– Идиоты. Как только Бримстоун терпит людей?

Брови Кэроу поползли вверх.

– Да брось! Их проблема не в том, что они люди, а в том, что они недочеловеки.

– Тоже верно. Говорят, паршивая овца все стадо портит. Да, чудовище мое? – Последнюю фразу он произнес, обернувшись назад, и на этот раз в воздухе как будто прозвучал слабый отклик.

Кэроу не выдержала и посмотрела на пол, где тень Изила разметалась по плиткам. Разглядывать было невежливо, словно Изилово… состояние… следует не замечать, как косоглазие или родимое пятно.

Тени не врут, а Изилова говорила о том, что у него на спине сидит невидимое существо. Неповоротливое, с бочкообразной грудью, оно крепко обвивало руками шею старика. Вот до чего довело любопытство: существо оседлало его как мула. Кэроу не понимала, как это вышло, ей лишь было известно, что Изил загадал желание знать все на свете. В такой форме оно и осуществилось. Бримстоун предупреждал, что исполнение сильных желаний может привести к непредсказуемым последствиям, и это было подтверждением его словам.

Кэроу предполагала, что невидимое существо по имени Разгут хранило тайны, которые Изил жаждал узнать. Какими бы ни были эти тайны, вряд ли они стоили такой жертвы.

Разгут умел разговаривать. Кэроу уловила лишь едва слышный шепот и звук, похожий на шлепок толстых губ.

– Нет, – сказал Изил. – Об этом я не буду просить. Все равно она откажет.

Кэроу с отвращением наблюдала, как Изил спорит с существом, чью тень она видела на полу. Наконец расхититель могил произнес:

– Ладно, ладно, только тише! Сейчас спрошу. – Он повернулся к Кэроу и сказал извиняющимся тоном: – Он хочет попробовать на вкус. Чуть-чуть.

– Попробовать? – Кэроу моргнула. Чай еще не принесли. – Что попробовать?

– Тебя, принцесса желаний. Просто лизнуть. Обещает не кусаться.

Кэроу едва не стошнило.

– Н-нет.

– Что я тебе говорил, – проворчал Изил. – А теперь сиди тихо, хорошо?

В ответ послышалось слабое шипение.

Официант в белой джелабе разлил мятный чай, мастерски направляя длинную струю из чайника в матовые стаканы. Кэроу, заметив впалые щеки расхитителя могил, заказала еще и пирожные. После того, как он наелся и напился, она задала свой вопрос:

– Итак, что у тебя есть?

Он засунул руку в карман, извлек горсть зубов и бросил на стол.

Наблюдавший за ними Акива выпрямился. Все вокруг стихло, он не замечал ничего, кроме кучки зубов и девушки, которая сортировала их в точности так же, как это делал старый колдун.

Зубы. Маленькие и грязные, похищенные у мертвых – какими безобидными выглядели они на столе. Не попади они в руки Бримстоуна, такими бы и остались.

Задачей Акивы было остановить эту гнусную торговлю и тем самым покончить с дьявольской черной магией.

Он наблюдал, как девушка проверяла зубы – явно со знанием дела. К отвращению примешалось нечто вроде разочарования. Она казалась слишком чистой для такого бизнеса, однако, по всей видимости, он ошибался. Впрочем, в том, что она не торговка, он был прав. Если она делала работу Бримстоуна, то, безусловно, занимала более высокое положение. Какое?

– Боже, Изил, – сказала Кэроу, – какая гадость. Ты принес их прямо с кладбища?

– Массовое захоронение. Секретное. Разгут его обнаружил. Он безошибочно определяет трупы.

– Какой талант.

Кэроу передернуло от мысли, что Разгут с вожделением смотрит на нее, надеясь попробовать на вкус. Она снова занялась зубами. Грязные, с налипшим на корни высохшим мясом, зубы были явно невысокого качества – они принадлежали людям, которые питались грубой пищей, курили трубки и не знали, что такое зубная паста.

Она сгребла их, бросила в остатки чая, прополоскала, а затем вытряхнула на стол мокрую кучку вперемешку с листьями мяты. Теперь зубы стали чуть чище. Один за другим, она осмотрела каждый. Резцы, моляры, клыки, постоянные и молочные.

– Изил, ведь Бримстоун не берет детские зубы.

– Ты не знаешь всего, девочка, – проговорил он.

– Чего я не знаю?

– Иногда берет. Один раз точно было дело.

Кэроу не поверила, – Бримстоун никогда не покупал молочные зубы, ни звериные, ни человеческие, – однако спорить не стала.

– Понятно. Но сегодня он не просил, так что придется отказаться.

Она отодвинула в сторону крошечные зубы и попыталась не думать о маленьких телах в братской могиле.

Каждый крупный зуб она подержала в руках, прислушиваясь к исходящему от него гулу, и рассортировала на две кучки.

Изил с тревогой наблюдал, переводя взгляд с одной кучки на другую.

– Жрали слишком много, да? Прожорливые цыгане! Уже умерли, а все жуют и жуют. Разве так ведут себя за столом?

В основном зубы были стертыми, гнилыми и не годились для Бримстоуна. После сортировки одна кучка оказалась гораздо солиднее другой. На нее и указал Изил.

Кэроу покачала головой и вынула несколько купюр из кошелька, который ей вручил Бримстоун, – плата за несколько жалких зубов очень щедрая, но Изил надеялся на большее.

– Сколько я рыл, – захныкал он, – и что взамен? Бумажки с портретом мертвого короля! Мертвецы всегда пялятся на меня. – Он понизил голос. – Я уже не могу, Кэроу. Я устал. Едва держу в руках лопату. Копаю твердую землю, рою, как собака. Все, с меня хватит!

Жалость захлестнула ее.

– Но ведь есть другие способы зарабатывать на жизнь…

– Нет. Мне остается лишь смерть. Следует гордо умереть, коль нельзя дальше гордо жить. Так говорил Ницше. Мудрый человек. С шикарными усами. – Он подергал собственные задрипанные усы и попытался выдавить улыбку.

– Не верю, что ты хочешь умереть.

– Если бы только был способ освободиться…

– А разве его нет? – горячо спросила она. – Ведь что-то можно сделать.

Его пальцы беспокойно теребили усы.

– Мне не хочется об этом думать, дорогая, но… есть один способ. Если только ты захочешь помочь мне. Ты единственная, у кого хватит смелости и доброты… Ох!

Внезапно он схватился рукой за ухо, по пальцам потекла кровь. Кэроу отпрянула. Наверное, его укусил Разгут.

– Попрошу, только если сам захочу, чудовище! – крикнул расхититель могил. – Да, ты – чудовище! Мне все равно, кем ты был раньше. Сейчас ты чудовище.

Завязалась странная схватка: казалось, старик боролся сам с собой. Рядом в испуге метался официант, а Кэроу отодвинула свой стул подальше от молотящих в воздухе конечностей, видимых и невидимых.

– Прекрати! Прекрати немедленно! – вскричал Изил, вытаращив безумные глаза.

Собравшись с духом, он взял посох и хватил по собственному плечу и сидевшему на нем существу. Он наносил все новые и новые удары, словно избивая самого себя, затем вскрикнул и упал на колени. Посох отлетел в сторону, обе руки прижались к шее. Кровь впитывалась в воротник джелабы – судя по всему, существо цапнуло его еще раз. Мучения, отразившиеся на лице старика, заставили Кэроу броситься к нему, чтобы помочь встать на ноги.

Ошибка!

Сейчас же на шее она ощутила скользкое прикосновение – язык. Ее передернуло. Разгут получил свое. Последовало омерзительное злобное ворчание, и она отпрянула в сторону, оставив расхитителя могил стоять на коленях.

С нее достаточно. Она собрала со стола зубы и взяла альбом.

– Подожди, прошу! – взмолился Изил. – Кэроу, пожалуйста!

Отчаяние в его голосе заставило ее остановиться. Покопавшись, он достал что-то из кармана. Щипцы. На вид заржавленные, но Кэроу знала – это не ржавчина. Щипцы – рабочий инструмент, которым он орудовал во ртах мертвецов.

– Пожалуйста, дорогая, – сказал он. – Больше просить некого.

Наконец она поняла, что ему нужно, и в ужасе отшатнулась.

– Боже мой, Изил! Ни за что!

– Бруксис мне помог бы. Свой я уже истратил. Чтобы отменить дурацкое желание, нужен еще один. Загадаешь, чтобы он отстал от меня. Пожалуйста, прошу!

Бруксис. Желание, более сильное, чем гавриэль, добывают лишь ценой собственных зубов – вырвав их все до единого. Самостоятельно.

При мысли о том, как она один за другим вырывает себе зубы, Кэроу стало дурно.

– Ты совсем ополоумел, – прошептала она, оскорбленная тем, что он смеет предлагать ей такое. С другой стороны, он – безумец, и таковым он сейчас и выглядел.

Она сделала шаг назад.

– Я бы не просил, сама знаешь, но это единственный способ!

Опустив голову, Кэроу быстро пошла прочь и ни за что не обернулась бы, если бы не истошный вопль, раздавшийся у нее за спиной. Он вырвался из хаоса площади Джемаа-эль-Фна и мгновенно заглушил все остальные звуки. Нечто похожее на неистовые причитания, поток высокого звука, какого она ни разу в жизни не слышала.

Исходил он явно не от Изила.

Жуткий вопль разрастался, дрожащий и отчаянный, и наконец разбился, как волна о камень, и стал похож на некую речь – шелестящую, без твердых согласных. Изменения высоты звука, судя по всему, представляли собой слова, но Кэроу, которая владела более чем двадцатью языками, их не знала.

Она обернулась. Все вокруг тоже оборачивались и вытягивали шеи. При виде источника звука лица людей перекашивало от ужаса.

Существо на спине Изила больше не было невидимым.

14. Смертоносная птица души

Язык был незнаком Кэроу, но не Акиве.

– Серафим, я тебя вижу! – гремел голос. – Я тебя знаю! Брат, брат, я отбыл свой срок. Я сделаю все. Я раскаялся и был достаточно наказан…

Ничего не понимая, Акива уставился на существо, материализовавшееся на спине старика.

Почти голое, с обрюзгшим телом, тонкими руками, оно крепко обвивало шею человека. Ноги болтались сзади, а голова существа, раздутая, лилового цвета, была словно налита кровью и готова в любую минуту лопнуть. Отвратительное существо. Его способность говорить на языке серафимов казалась кощунством.

Акива застыл. Он стоял, вытаращив глаза, пока изумление, вызванное звуками родного языка не сменилось шоком от того, что говорило существо.

– Мне оторвали крылья, брат мой! – Существо не сводило глаз с Акивы. Убрав одну руку с шеи старика, оно с мольбой потянулось к нему. – Скрутили ноги, чтобы я ползал, как червь. Тысячу лет назад меня изгнали. Тысяча лет мучений! Но ты пришел, ты пришел, чтобы забрать меня домой.

Домой?

Нет. Это невозможно.

При виде существа одни люди отводили в сторону глаза, другие, проследив направление его молящего взора, уставились на Акиву. Он окинул толпу обжигающим взглядом. Некоторые отошли, бормоча молитвы. А затем он заметил девушку с синими волосами, остановившуюся ярдах в двадцати. Спокойная и сияющая, она выделялась в грязной толпе.

И тоже смотрела на него.

Смотрела прямо в глаза, обведенные черным контуром, на бронзовом от загара лице. Глаза огненного цвета, рассыпающие в воздухе искры и прожигающие насквозь. Кэроу подбросило не только от испуга, – по телу словно прошла цепная реакция. Она ощутила легкость в руках и ногах и внезапный мощный порыв – борись или беги!

«Кто?» – подумала она, разум ее пытался угнаться за инстинктами.

И — «что?».

Хранящий невозмутимое спокойствие посреди всеобщей суеты, он явно не был человеком. Пульс застучал в кистях рук, и Кэроу сжала их в кулаки, ощущая бешеное гудение в венах.

Враг. Враг. Враг. Осознание билось в ней в ритме сердца: незнакомец с огненными глазами – враг. Лицо его – нереально красивое, верх совершенства – было абсолютно бесстрастно. Она металась меж двух огней: стремлением убежать и боязнью повернуться к нему спиной.

Сделать выбор помог Изил.

– Малак! – крикнул он, указывая на незнакомца. – Малак!

Ангел.

Ангел.

– Я узнал тебя, смертоносная птица души! Я знаю, что ты есть. – Изил обернулся и торопливо произнес: – Кэроу, принцесса желаний, ступай к Бримстоуну. Скажи ему: серафимы здесь. Они вернулись. Ты должна его предупредить. Скорее, детка, скорее!

И она помчалась.

По площади Джемаа-эль-Фна, где любую попытку бежать затрудняло беспорядочное движение толпы. Пробираясь сквозь людскую массу, она едва не врезалась в верблюжий бок, перепрыгнула через свернувшуюся кольцом кобру –

та сделала выпад, беззубый и неопасный. Улучив момент, Кэроу бросила взгляд назад: погони не было видно, однако она ее чувствовала.

Трепетал каждый нерв. Тело приготовилось к бою. Не было даже ножа в сапоге – ей и в голову не пришло, что он может понадобиться на встрече с расхитителем могил.

Она выскочила на одну из улочек, что стекались к площади как речные притоки. Столпотворения на базарчиках уже рассеялись, множество огней погасло. Она то ныряла в темноту, то выныривала из нее, размеренно и легко, почти беззвучно, старалась избегать столкновений на поворотах, оглядывалась снова и снова, но не видела погони.

Ангел. Слово не переставало звучать в голове.

Она приближалась к порталу. Еще один поворот, одна улочка, и она доберется до места – ведь удалось же ей уйти так далеко.

Над головой сгустилась тьма – луну заслонила чья-то тень. Фигура с огромными крыльями неслась с неба прямо на Кэроу. Жар, удары крыльев, свист рассекаемого клинком воздуха. Она отскочила в сторону, почувствовала, как сталь, пройдя по плечу, вонзилась в резную дверь, расщепив ее на куски. Схватив зазубренный обломок дерева, она стала вертеть им перед лицом нападавшего.

Он стоял на расстоянии всего лишь вытянутой руки, острие меча уперлось в землю.

Действительно, ангел. Длинное лезвие меча светилось белым светом от раскаленных крыльев – мерцающих и таких огромных, что они задевали стены с обеих сторон улочки, каждое перо напоминало сдуваемый ветром язык пламени.

Глаза!

Его взгляд, как зажженный фитиль, опалял воздух. Никого более красивого Кэроу в жизни не встречала. Первая мысль, нелепая, но всепоглощающая: запомнить его, чтобы позже нарисовать. Вторая – никакого «позже» не будет, он

ее убьет.

Он так быстро приблизился к ней, что воздух озарила вспышка света от крыльев, перед глазами у Кэроу замелькали огненные пятна. Меч вновь задел ее, на этот раз руку, но она успела уклониться от смертельного удара. Двигаясь свободно, живо, легко, Кэроу держала дистанцию, которую он пытался сократить. Их глаза снова встретились, и за его потрясающей красотой Кэроу разглядела бесчеловечность, полное отсутствие сострадания.

Он опять сделал выпад. Как бы проворна ни была Кэроу, увернуться она не успела. Меч, нацеленный в шею, задел лопатку, не больно – боль придет позже, если ее не убьют. Кэроу почувствовала растекающееся тепло – кровь. Еще атака, и она отразила ее расколовшимся в щепу обломком двери. Половина отвалилась, и теперь у нее в руках был кусок старой древесины размером с кинжал – смехотворная замена оружию. Быстрым движением она нанесла удар, ощутив, как обломок вошел в тело и увяз в нем.

Кэроу уже доводилось вонзать нож в человека, она ненавидела отвратительное чувство проникновения в живую плоть. Отпрянув назад, она оставила свое импровизированное оружие в его боку. На его лице не отразилось ни боли, ни удивления. Он подошел ближе, и Кэроу подумала, что лицо у него мертвое. Или, скорее, живое лицо мертвой души.

Оно вселяло ужас.

Теперь он загнал ее в угол, и оба понимали – ей не выбраться. Она едва замечала доносившиеся отовсюду крики изумления и страха, сосредоточив все внимание на ангеле. Что вообще это значит – ангел? Что там сказал Изил? Серафимы здесь.

Она слышала это слово раньше. Серафимы – высокий ангельский чин, по крайней мере, так гласят христианские предания. К ним Бримстоун относился с презрением.

– О многих вещах, – говорил он, – у людей самое поверхностное представление. Чего не хватает для полной картины, они выдумывают. Словно составляют из сказок лоскутное одеяло, в котором то там, то сям встречается клочок правды.

– Так как же узнать, что кто-то действительно существует? – допытывалась она.

– Если ты можешь кого-то убить или если этот кто-то может убить тебя, то он существует на самом деле.

Исходя из определения, ангел был еще какой настоящий.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Бэкпекер (от англ. backpack – «рюкзак») – турист, путешествующий за небольшие деньги, чаще всего принципиально отказываясь от услуг туроператоров. – Здесь и далее примеч. пер.

2

Моляры – постоянные зубы верхней и нижней челюсти, расположенные по три с каждой стороны зубного ряда; имеют жевательную поверхность.

3

Кетгут – нити, вырабатываемые из кишок мелкого рогатого скота; хирургический шовный материал.

4

Смор (s'more) – традиционное американское угощение, которое едят в детских лагерях: зефир поджаривается на костре и вместе с кусочком шоколада кладется между двумя печеньями.

Купить: https://tellnovel.com/ru/teylor_leyni/doch-dyma-i-kostey

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить